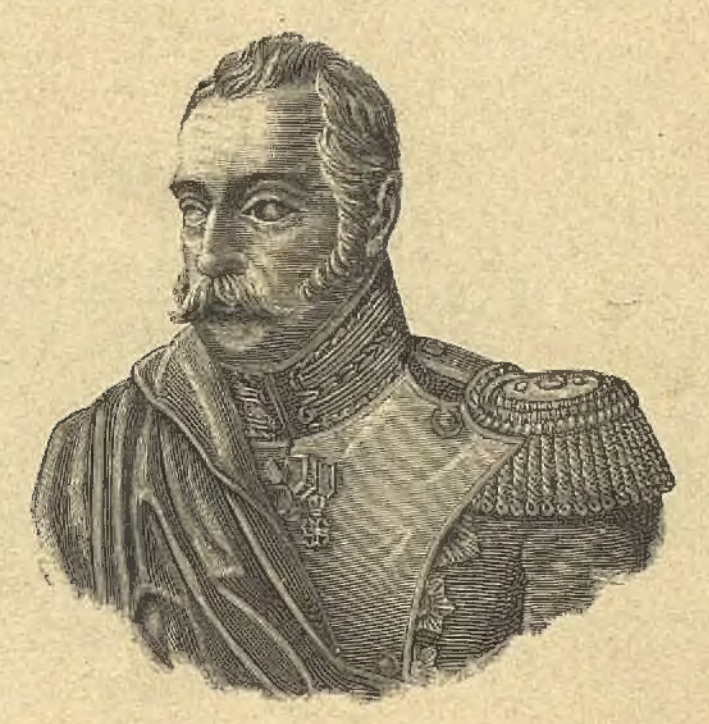

P 56
22

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

въ бозѣ почивающаго великаго князя

МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА.

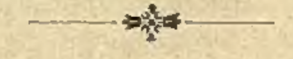

КЪ СТОЛѢТІЮ СО ДНЯ ЕГО РОЖДЕНІЯ.

1798—1898.

Съ двумя портретами (копіи съ рѣдкой акварели и современной литографіи).

Составилъ генералъ отъ артиллеріи **М. С. Лалаевъ.**

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
1898.

Печатано по распоряженію Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній.

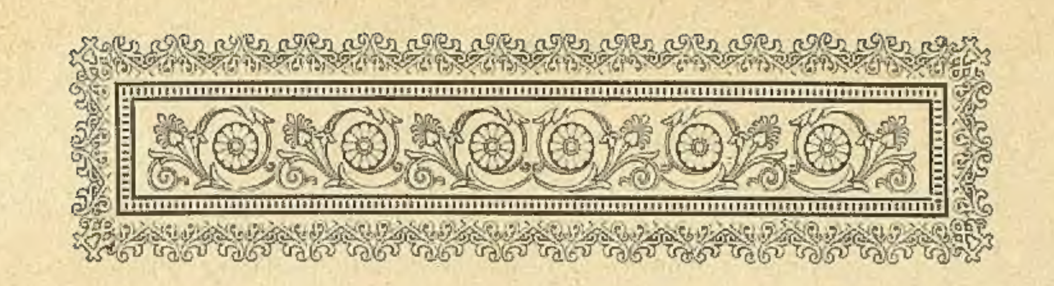
Великій Князь
Михаилъ Павловичъ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

1798—1849.

Михаилъ

I.

Сто лѣтъ тому назадъ, 28-го января 1798 года, у императора Павла Петровича родился четвертый сынъ, нареченный Михаиломъ во имя святого вождя небесныхъ воинствъ. Въ высочайшемъ указѣ, данномъ въ тотъ же день, государь писалъ: „Богъ даровалъ намъ сына, великаго князя Михаила Павловича, коему быть генералъ-фельдцейхмейстеромъ и шефомъ гвардейскаго артиллерiйскаго батальона“.

Должность генералъ-фельдцейхмейстера, какъ высшаго начальника всей артиллерiи, учрежденную у насъ Петромъ великимъ, по личному его избранiю послѣдовательно занимали: царевичъ Александръ Имеретинскiй, Я. В. Брюссъ и И. Я. Гюнтеръ; впослѣдствiи, до исхода прошлаго столѣтiя, должность эту преемственно исполняли: Б. Х. Минихъ, принцъ Людвигъ Гессенъ-Гомбургскiй,

кн. В. А. Репнинъ, гр. П. И. Шуваловъ, Н. П. Вильбоа, кн. Г. Г. Орловъ и кн. П. А. Зубовъ. Вышеприведеннымъ же указомъ императора Павла въ званіе генералъ-фельдцейхмейстера впервые возведенъ одинъ изъ членовъ императорской фамиліи, которому суждено было болѣе полувѣка носить это званіе и въ продолженіе тридцати лѣтъ непрестанно трудиться на пользу и славу русской артиллеріи.

Первоначальное воспитаніе новорожденнаго царскаго сына, совмѣстно съ ближайшимъ по возрасту старшимъ его братомъ Николаемъ, ведено было вдовою артиллерійскаго генерала, статсъ-дамою Ш. К. Ливенъ (рожденная баронеса ф. Поссе, впослѣдствіи графиня и княгиня). Въ должности ближайшихъ надзирательницъ при Михаилѣ Павловичѣ находились Ю. Ѳ. Адлербергъ, рожденная Багговутъ, и англичанка Кеннеди, а по достиженіи имъ семилѣтняго возраста дальнѣйшее воспитаніе ввѣрено бывшему директору Императорскаго сухопутнаго кадетскаго корпуса, генералъ-лейтенанту М. И. Ламсдорфу (род. въ 1745 году).

Предназначенный еще императоромъ Павломъ въ должность воспитателя двухъ младшихъ его сыновей, одаренный здравымъ умомъ и твердымъ характеромъ, самъ прошедшій строгую нѣмецкую школу средины прошлаго столѣтія и въ долгой службѣ сроднившійся съ суровою воинскою дисци-

плиной того времени, генералъ Ламсдорфъ и въ новой должности всегда являлся наставникомъ педантически-требовательнымъ и строго-взыскательнымъ. Оставаясь при великихъ князьяхъ до ихъ совершеннолѣтія, онъ постоянно пользовался довѣріемъ государя и вдовствовавшей императрицы Маріи Θеодоровны, и удостоился получить чинъ полнаго генерала, знаки ордена Св. Андрея Первозваннаго и графское достоинство; скончался же онъ, въ 1828 году, въ званіи члена Государственнаго совѣта, осыпанный милостями императора Николая I, а черезъ четыре года другой царственный воспитанникъ Ламсдорфа, Михаилъ Павловичъ, почтилъ сына его, флигель-адъютанта гр. Николая Матвѣевича, избраніемъ на должность начальника учебнаго отдѣленія во вновь образованномъ тогда штабѣ Его Высочества по управленію военно-учебными заведеніями.

Подъ общимъ руководствомъ умудреннаго житейскимъ опытомъ главнаго наставника, для постояннаго наблюденія, на очередныхъ дежурствахъ, за великими князьями и начальнаго ихъ обученія, состояли въ званіи „кавалеровъ“ Ихъ Высочествъ: генералъ-маіоръ Ахвердовъ, полковники Арсеньевъ и Ушаковъ, д. ст. сов. Дивовъ, ст. сов. Саврасовъ, кол. сов. Вольфъ и маіоръ Алединскій; впослѣдствіи же къ дѣлу преподаванія имъ различныхъ

учебныхъ предметовъ были разновременно привлекаемы: по закону Божію—о. Павелъ Криницкій, по русской словесности—Глинка, по отечественной исторіи и географіи—Ахвердовъ, по нѣмецкому и древнимъ языкамъ, а также по объяснительному чтенію избранныхъ нравоучительныхъ статей,—Аделунгъ, по французскому языку, всеобщей исторіи и географіи — Дюпюже, по англійскому языку—Седжеръ, по математикѣ, физикѣ и механикѣ—Крафтъ и Вольгемутъ, по тактикѣ и фортификаціи—Оперманъ, по артиллеріи—Маркевичъ и Джанотти, по наукамъ юридическимъ и политическимъ—Шторхъ, Балугьянскій и Кукольникъ, и по рисованію—Акимовъ и Шебуевъ. Многіе изъ названныхъ преподавателей пользовались въ свое время почетною репутаціей въ учено-административной области; таковы болѣе извѣстныя имена: К. И. Опермана, А. К. Шторха, Ѳ. П. Аделунга, М. А. Балугьянскаго, А. И. Маркевича, Г. А. Глинка, В. Л. Крафта и В. К. Шебуева. Но главное наблюденіе за воспитаніемъ и обученіемъ великихъ князей Николая и Михаила сохранила за собой сама императрица Марія Ѳеодоровна.

Старшая дочь принца (впослѣдствіи владѣтельнаго герцога) Вюртембергскаго Фридриха-Евгенія, принцеса Софія-Доротея-Августа-Луиза, родилась 14-го октября 1759 года и до замужства постоянно

жила въ патріархальной семьѣ своихъ родителей, сперва въ Штетинѣ и Трептовѣ, а потомъ въ Монбельярѣ. По желанію императрицы Екатерины II сдѣлавшись невѣстой цесаревича Павла Петровича, принцеса Софія прибыла въ Россію 31 августа 1776 года, черезъ двѣ недѣли совершился ея переходъ въ православіе, съ нареченіемъ великою княжной Маріей Ѳеодоровной, и 26 сентября состоялось ихъ бракосочетаніе. Мать Маріи Ѳеодоровны, родная племянница Фридриха великаго, будучи одною изъ просвѣщеннѣйшихъ женщинъ своего времени и послѣдовательницей педагогическихъ идей Ж. Ж. Руссо, признавала развитіе сердечныхъ чувствъ и семейныхъ добродѣтелей главною цѣлью воспитанія своей дочери, сознавая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и всю важность для нея основательнаго умственнаго образованія. „Но, — повторяла она древній афоризмъ, — если наука не научаетъ человѣка добродѣтели, то она не даетъ ему ничего.“ По свидѣтельству современниковъ юности будущей русской императрицы, она „уже въ раннемъ возрастѣ оправдывала собою заботы матери и, блистая здоровьемъ и красотой, по физическому и духовному развитію казалась старше своихъ лѣтъ, а отличительными нравственными ея чертами были благочестіе, человѣколюбіе и сердечная доброта“. Впослѣдствіи, сама сдѣлавшись матерью, она особенно заботи-

лась о развитіи тѣхъ же основныхъ качествъ въ своихъ дѣтяхъ и главное вниманіе всегда обращала на выборъ достойныхъ для нихъ наставниковъ.

Большинство вышепоименованныхъ кавалеровъ и преподавателей также было избрано непосредственно императрицей-матерью, которая входила во всѣ подробности обученія сыновей и тщательно наблюдала за тѣмъ, чтобы оно оказывало на нихъ не только образовательное, но и нравственно-воспитательное вліяніе. По сохранившимся преданіямъ, Марія Ѳеодоровна „въ младенческомъ возрастѣ своихъ дѣтей была съ ними довольно холодна и суха“, такъ что въ ранніе годы Михаила Павловича отношенія его къ августѣйшей родительницѣ носили характеръ лишь строгой почтительности и даже боязни; впослѣдствіи же, оставшись вдовою, императрица-мать съ чувствомъ сердечной заботливости вполнѣ отдалась дѣлу воспитанія двухъ младшихъ сыновей, которое, по ея волѣ, велось большею частью вдали отъ Двора, въ загородныхъ дворцахъ Павловска и Гатчины.

Императоръ Александръ Павловичъ, самъ воспитанный не при родителяхъ, а подъ непосредственнымъ руководствомъ своей царственной бабки, успѣвая лишь изрѣдка навѣщать изъ Петербурга младшихъ братьевъ, мало входилъ въ дѣло

ихъ обученія и считалъ преждевременнымъ привлекать ихъ до совершеннолѣтія на служеніе государству. Отдавая же предпочтеніе общественному воспитанію юношей предъ домашнимъ, онъ имѣлъ намѣреніе продолжать образованіе великихъ князей Николая и Михаила въ Царскосельскомъ лицеѣ, который къ исходу 1811-го года былъ открытъ въ дворцовомъ зданіи, какъ высшее учебное заведеніе на 50 казеннокоштныхъ воспитанниковъ, „предназначенныхъ къ важнымъ частямъ службы государственной". Но наступившая вскорѣ война измѣнила это намѣреніе, какъ и вообще не могла не нарушить правильнаго хода учебныхъ занятій Ихъ Высочествъ.

Въ 1814 году, послѣ вступленія союзныхъ войскъ въ предѣлы Франціи, императоръ Александръ разрѣшилъ обоимъ младшимъ братьямъ прибыть къ арміи. Впервые отпуская отъ себя юныхъ сыновей, императрица-мать напутствовала ихъ подробнымъ наставленіемъ, собственноручно писаннымъ ею 5-го февраля 1814 года. „C'est en vous donnant,—читаемъ въ этомъ документѣ,—les conseils puisés dans mon coeur, qui vous chérit si inexprimablement, que je soulagerai la douleur, que je ressens de me séparer de vous, mes chers enfants, à qui j'ai prodigué les plus tendres soins et qui m'avez rattachée à la vie à l'époque mal-

heureuse, où mon existence n'avait plus de prix pour moi. Il dépend de vous en ce moment de continuer à me la rendre chère et à me prouver votre reconnaissance par votre bonne conduite sous le rapport moral, sous celui de vos différents devoirs, et à légitimer ma tendresse pour vous en vous méritant mon estime; pour y parvenir il faut continuer à être religieux comme vous l'êtes: que Dieu soit toujours dans vos coeurs".

Для сопровожденія Ихъ Высочествъ въ предстоявшей поѣздкѣ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ гр. П. П. Коновницынъ; подъ руководствомъ этого талантливаго и опытнаго боевого генерала великіе князья, сопутствуемые Ламсдорфомъ, Алединскимъ, Саврасовымъ, Джанотти и Арсеньевымъ. полгода провели во Франціи, Нидерландахъ и Германіи, гдѣ успѣли ознакомиться съ мѣстными достопримѣчательностями, преимущественно по отношенію къ военному дѣлу, а съ возвращеніемъ въ Петербургъ продолжали свои учебныя занятія подъ руководствомъ прежнихъ наставниковъ.

Въ слѣдующемъ году, когда Ихъ Высочества, по волѣ государя, опять отправились во Францію, императрица Марія Θеодоровна поручила ихъ главному наблюденію того же Коновницына и въ ряду другихъ указаній собственноручно писала ему: „Для сохраненія драгоцѣнныхъ качествъ души,

которыя я теперь съ утѣшеніемъ вижу въ моихъ сыновьяхъ, вниманіе ваше, конечно, обращено будетъ на занятіе ихъ полезными упражненіями, отвращеніе праздности, хорошій выборъ знакомствъ и огражденіе отъ хитрыхъ внушеній льстецовъ, старающихся ласкательствомъ и всякими угожденіями снискивать себѣ покровительство... Я ни мало не сомнѣваюсь, что внушенныя имъ правила нравственности, благочестія и добродѣтели предохранятъ ихъ отъ дѣйствительныхъ погрѣшеній; но пылкое воображеніе юношей, въ такомъ мѣстѣ какъ Парижъ, гдѣ почти на каждомъ шагу представляются картины порока и легкомыслія, легко принимаетъ впечатлѣнія, помрачающія природную чистоту мыслей; должно показать имъ въ настоящемъ видѣ сіи впечатлѣнія, отъ коихъ убѣдительно прошу предохранить ихъ вашимъ отеческимъ попеченіемъ... Михаилъ Павловичъ, при семнадцатилѣтнемъ возрастѣ, въ особенности имѣетъ крайнюю нужду заниматься полезными предметами и болѣе утвердиться въ пройденныхъ наукахъ".

Современники П. П. Коновницына отдавали полную справедливость благородному его характеру и военнымъ доблестямъ, соединеннымъ съ рѣдкою скромностью; такъ, извѣстный гр. М. С. Воронцовъ писалъ о немъ въ 1813 г. своему отцу въ Лондонъ: „Это—человѣкъ великихъ за-

слугъ, характера достойнаго уваженія и замѣчательный по неустрашимой храбрости и хладнокровію". Впослѣдствіи гр. Коновницынъ былъ военнымъ министромъ и до самой кончины, въ 1822 году, занималъ постъ главнаго директора пажескаго и всѣхъ сухопутныхъ кадетскихъ корпусовъ.

Во время вторичнаго пребыванія въ Парижѣ великій князь Михаилъ Павловичъ обратилъ особенное вниманіе на успѣшную подготовку французскихъ артиллеристовъ въ Политехнической школѣ, съ 1805 года преобразованной Наполеономъ въ военно-воспитательный интернатъ, какъ и вообще на организацію войскъ и различныхъ военныхъ учрежденій во Франціи, а на высочайшемъ смотру подъ Вертю впервые самъ командовалъ конно-артиллерійскою бригадой. Вскорѣ за тѣмъ онъ, черезъ Гейдельбергъ, Лейпцигъ и Берлинъ, возвратился въ Петербургъ и уже не прерывалъ своихъ учебныхъ занятій въ продолженіе двухъ лѣтъ, до отъѣзда въ большое путешествіе, съ образовательною цѣлью, по Россіи и въ чужихъ краяхъ.

Еще до Отечественной войны гвардейскій артиллерійскій батальонъ былъ наименованъ л.-гв. артиллерійскою бригадой, которая въ началѣ 1816 г. раздѣлена на двѣ бригады, при чемъ шефомъ первой изъ нихъ назначенъ великій князь Михаилъ Павловичъ; съ этого времени онъ постоянно прини-

малъ близкое участіе въ управленіи названною частью, какъ видно изъ сохранившихся писемъ августѣйшаго шефа бригады къ ея командиру, полковнику Е. Ѳ. Ховену.

Въ августѣ 1817 года, для сопровожденія Его Высочества въ предпринятомъ путешествіи, продолжавшемся до іюня 1819 года, назначены были: И. Ѳ. Паскевичъ (впослѣдствіи князь Варшавскій), А. П. Алединскій и Г. А. Глинка. Въ данномъ имъ наставленіи императрица-мать высказалась, между прочимъ, такъ: „Прежде всего мой сынъ долженъ стараться внушить къ себѣ всеобщую любовь и уваженіе; на этомъ зиждется счастіе всей его жизни точно такъ же, какъ и жизни всѣхъ моихъ сыновей“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Марія Ѳеодоровна утвердила „образовательную программу вояжа“, которую, по ея порученію, составилъ Глинка; ему же императрица поручила „особенно заботиться о научной пользѣ путешествія, обращая какъ можно чаще вниманіе Михаила Павловича на болѣе существенные предметы, о которыхъ онъ могъ-бы дать правдивый отчетъ въ своемъ путевомъ журналѣ“.

Выѣхавъ изъ Петергофа 11-го августа, великій князь посвятилъ болѣе семи мѣсяцевъ на обозрѣніе различныхъ мѣстностей нашего отечества по нижеслѣдующему маршруту: Тихвинъ. Рыбинскъ,

Ярославль, Кострома, Нижній-Новгородъ, Тамбовъ, Пенза, Воронежъ, Казань, Симбирскъ, Новочеркаскъ, Феодосія, Севастополь, Херсонъ, Николаевъ, Одесса, Полтава, Харьковъ, Курскъ, Орелъ, Тула, Калуга, Москва, Смоленскъ и Варшава. Подробному осмотру святынь и достопримѣчательностей первопрестольной столицы августѣйшій путешественникъ посвятилъ почти три мѣсяца: когда же сопровождавшій его Г. А. Глинка скоропостижно скончался въ Москвѣ, то великій князь писалъ, отъ 22-го февраля 1818 года, вдовѣ своего любимаго наставника: „Не могу выразить вамъ то участіе, которое я принимаю въ постигшей васъ ужасной потерѣ; вамъ извѣстна, конечно, моя привязанность къ вашему супругу, которая можетъ окончиться лишь съ моею смертью, и смѣю васъ увѣрить, что память его всегда будетъ для меня священна“.

Затѣмъ съ апрѣля по октябрь 1818 года великій князь, путешествуя по западной Европѣ, успѣлъ осмотрѣть Берлинъ, Веймаръ, Кассель, Ольденбургъ, Гамбургъ, Бременъ, Брюссель, Мобёжъ и Камбре, гдѣ герцогъ Веллингтонъ представилъ ему дивизію англійскихъ войскъ. Во время поѣздки въ Великобританію Его Высочество, въ сопровожденіи нашего посла кн. Ливена и англійскаго адмирала Конгрева, посѣтилъ Лондонъ и, между прочимъ, обратилъ здѣсь особенное вниманіе на

устройство Говардовыхъ тюремъ, врачебныхъ заведенiй и Ланкастерскихъ школъ, а затѣмъ осматривалъ Дерби, Лидсъ, Шеффильдъ, Іоркъ, Эдинбургъ и, черезъ Страсбургъ, прибылъ въ Лозанну, гдѣ его ожидалъ бывшiй наставникъ императора Александра Павловича, Фридрихъ Цезарь Лагарпъ, принявшiй предложенiе сопровождать юнаго великаго князя при посѣщенiи имъ Италiи. Подъ руководствомъ такого просвѣщеннаго спутника Его Высочество посвятилъ почти полгода подробному изученiю достопримѣчательностей Турина, Милана, Генуи, Пармы, Флоренцiи, Рима и Неаполя. На возвратномъ пути въ отечество Михаилъ Павловичъ писалъ Лагарпу изъ Вѣны, отъ 9/21 мая 1819 года: „Je vous supplie de recevoir encore une fois l'expression de ma plus vive reconnaissance pour tous les soins et pour toute la peine, que vous avez bien voulu vous donner pendant mon voyage en Jtalie. Son souvenir me restera toujours precieux, de même que les conseils que vous avez bien voulu me donner".

Вскорѣ по возвращенiи изъ заграничнаго путешествiя великiй князь былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизiи; состоя въ этомъ званiи, онъ участвовалъ въ походѣ гвардейскаго корпуса, который въ 1821 году перешелъ изъ Петербурга въ Литовскiя гу-

берніи и, послѣ большихъ маневровъ при м. Бешенковичахъ, удержанъ былъ тамъ на зимнихъ квартирахъ. Черезъ три года государь назначилъ своего младшаго брата шефомъ л.-гв. Московскаго полка, а потомъ начальникомъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Во время командованія названными гвардейскими частями Его Высочество послѣдовательно состоялъ подъ начальствомъ генераловъ: И. В. Васильчикова, Ѳ. П. Уварова, А. Л. Воинова, бар. Г. В. Розена, И. Ѳ. Паскевича и К. И. Бистрома, о которыхъ до конца своей жизни вспоминалъ съ неизмѣнною признательностью.

Весною 1821 года Михаила Павловича постигла тяжкая болѣзнь, вынудившая его предпринять лѣтнее лѣченіе въ Маріенбадѣ и Карлсбадѣ; въ слѣдующіе два года онъ неоднократно посѣщалъ своихъ царственныхъ родственниковъ въ Веймарѣ, Штуттартѣ и Монбельярѣ. 6-го декабря 1823-го года состоялось обрученіе Его Высочества съ дочерью принца Павла Вюртембергскаго, Фредерикой-Шарлотой-Маріей, которая при святомъ мѵропомазаніи наречена Еленой, а 8-го февраля слѣдующаго года совершено ихъ бракосочетаніе.

Проживъ въ Россіи почти полвѣка († 9 января 1873 г.), великая княгиня Елена Павловна оставила по себѣ глубоко-признательную память въ нашемъ отечествѣ. Не касаясь просвѣщеннаго

ея участія въ важнѣйшихъ событіяхъ двухъ царствованій и щедрой благотворительности, достаточно назвать здѣсь главныя изъ созданныхъ Ея Высочествомъ учрежденій: Маріинскій институтъ, училище Св. Елены, Петербургскую консерваторію и Крестовоздвиженскую общину сестеръ милосердія, послужившую образцомъ для многихъ благотворительныхъ учрежденій возникшаго у насъ лишь въ 1867-мъ году „Общества краснаго креста“. Отряду сестеръ милосердія названной общины, основанной еще за десять лѣтъ до Женевской конвенціи, впервые порученъ былъ, подъ руководствомъ знаменитаго Пирогова, уходъ за ранеными и больными воинами во время Крымской кампаніи. Въ рескриптѣ, данномъ на имя великой княгини вскорѣ послѣ этой войны, императоръ Александръ II писалъ: „Высоки и прекрасны ваши дѣла: вами не одна отерта слеза, не одна исцѣлена рана храбраго воина, не одно утѣшено и успокоено осиротѣвшее семейство“. Наконецъ, на дарованныя Ея Высочествомъ средства учреждены въ Петербургѣ Елисаветинская дѣтская больница и открытый въ 1885 г. „Клиническій институтъ великой княгини Елены Павловны“. Напомнимъ еще, что благодаря ея же поощренію и денежнымъ пособіямъ издано въ свѣтъ капитальное сочиненіе о подготовительныхъ трудахъ, предшествовавшихъ

Положенію 19 февраля 1861 года объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Для постояннаго жительства новобрачной великокняжеской четы въ столицѣ возведено было, по проекту извѣстнаго зодчаго Росси, монументальное зданіе Михайловскаго дворца, которое освящено въ присутствіи императора Александра, предъ самымъ отбытіемъ его въ Таганрогъ, 30-го августа 1825 года.

Извѣстіе о кончинѣ императора застало Михаила Павловича въ Варшавѣ вечеромъ 25 ноября, и на другой же день цесаревичъ Константинъ отправилъ его въ Петербургъ съ письмомъ къ императрицѣ-матери о томъ, что „по силѣ рескрипта почившаго государя отъ 2-го февраля 1822 года, онъ, цесаревичъ, уступаетъ свое право на наслѣдіе императорскаго всероссійскаго престола великому князю Николаю Павловичу".

Только по прибытіи въ Петербургъ 3-го декабря Михаилъ Павловичъ узналъ, что здѣсь уже принесена присяга на вѣрноподданство императору Константину, а потому поспѣшилъ обратнымъ отъѣздомъ въ Варшаву для убѣжденія цесаревича безотлагательно прибыть въ столицу. Но встрѣтивъ на пути курьера, отправленнаго изъ Варшавы съ подтвержденіемъ отказа цесаревича отъ престола, великій князь рѣшилъ остановиться

на одной изъ промежуточныхъ станцій и выжидать тамъ новыхъ повелѣній брата Николая, которому писалъ изъ Ненналя: „Не зная, какія мѣры будутъ приняты въ Петербургѣ и находясь только въ 260-ти верстахъ отъ него, если я нуженъ тамъ—сейчасъ могу вернуться, если нѣтъ—могу продолжать дорогу въ Варшаву; увѣрьте себя, что я всюду готовъ, куда матушкѣ и тебѣ угодно.“ Не ранѣе, однакоже, какъ 13-го декабря, Михаилъ Павловичъ получилъ съ нарочнымъ такое повелѣніе: „Наконецъ все рѣшено: я долженъ принять бремя государя; поспѣши прибыть сюда. Николай“.

На другое утро, въ самый день объявленія манифеста о воцареніи новаго императора, великій князь былъ уже въ Петербургѣ и, узнавъ, что принесеніе присяги чинами гвардейской конной артиллеріи сопровождалось нѣкоторымъ замѣшательствомъ, тотчасъ же рѣшился своимъ личнымъ появленіемъ въ артиллерійскихъ казармахъ возстановить порядокъ. На пути оттуда въ Зимній дворецъ онъ получилъ донесеніе о возмущеніи въ Московскомъ полку, часть котораго была увлечена преступными офицерами на Сенатскую площадь. Какъ шефъ этого полка, Михаилъ Павловичъ поспѣшилъ прибыть въ его казармы, собралъ на полковомъ дворѣ всѣхъ наличныхъ чиновъ и, послѣ объясненія имъ истинныхъ причинъ новой

присяги, вмѣстѣ съ ними тутъ же принесъ вѣрноподданническій обѣтъ императору Николаю Павловичу. За тѣмъ самъ великій князь привелъ давшихъ присягу Московцевъ на Сенатскую площадь, гдѣ государь ввѣрилъ его начальству часть войскъ, собранныхъ на пространствѣ между Исакіевскимъ соборомъ и Конногвардейскимъ манежемъ, противъ стоявшихъ тутъ мятежныхъ ротъ гвардейскаго морского экипажа. Подъѣхавъ къ нимъ, Его Высочество старался убѣдить матросовъ, что Константинъ Павловичъ по своей доброй волѣ отрекся отъ престола и что въ силу только-что объявленнаго манифеста всѣ вѣрноподданные должны принести присягу новому императору. Въ это время одинъ изъ участниковъ заговора приблизился къ великому князю и уже навелъ на него пистолетъ, но выстрѣлъ былъ отвращенъ стоявшими также въ рядахъ бунтовщиковъ матросами Дороѳеевымъ, Ѳедоровымъ и Куроптевымъ.

Послѣ усмиренія бунта 14-го декабря, при наступленіи ночи, государь поручилъ своему брату съѣздить къ арсеналу и осмотрѣть все-ли спокойно въ городѣ, а на другой день въ правительственномъ сообщеніи было, между прочимъ, объявлено, что въ подавленіи вновь возникшаго мятежа великій князь Михаилъ Павловичъ принималъ дѣятельное

и мужественное участіе. Позднѣе императрица Марія Ѳеодоровна, въ своихъ воспоминаніяхъ о кончинѣ Александра I и послѣдовавшихъ за тѣмъ событіяхъ, писала 26 мая 1827 года: „Mon fils Michel a déployé le caractère le plus noble, la valeur la plus belle, la plus calme, et un dévouement à toute épreuve.“

По высочайшему повелѣнію отъ 17-го декабря 1825 года, великій князь принималъ участіе въ занятіяхъ особо учрежденной подъ предсѣдательствомъ графа А. И. Татищева „комисіи для изысканія о злоумышленныхъ обществахъ“ и въ томъ же году назначенъ членомъ Государственнаго совѣта, а впослѣдствіи (1834 г.) былъ призванъ и къ присутствованію въ Правительствующемъ сенатѣ.

По воцареніи императора Николая I великій князь Михаилъ Павловичъ, сохранивъ прежнее званіе генералъ-фельдцейхмейстера, былъ назначенъ въ должность генералъ-инспектора по инженерной части, а въ 1826 году, послѣ семилѣтняго начальствованія бригадой и дивизіей, удостоился назначенія командиромъ гвардейскаго корпуса. Въ первое время помощникомъ Его Высочества по этому званію былъ К. И. Бистромъ; должность же начальника штаба войскъ гвардіи, въ періодъ съ 1826-го по 1849-й годъ.

послѣдовательно занимали: А. И. Нейдгардтъ, П. Ѳ. Веймарнъ и П. А. Витовтовъ.

Въ началѣ 1828 года послѣдовало высочайшее повелѣніе на имя великаго князя Михаила Павловича о приготовленіи къ походу въ Турцію гвардейскаго корпуса, въ составѣ 8-ми пѣхотныхъ, 1-го казачьяго и 4-хъ кавалерійскихъ полковъ, сапернаго батальона, конно-піонернаго эскадрона и гвардейскаго морского экипажа, при 64-хъ орудіяхъ пѣшей и конной артиллеріи, съ одною ракетною ротой. Не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ войска начали выступать изъ Петербурга, слѣдуя къ юго-западной границѣ двумя колоннами. Къ началу августа гвардія собралась на Дунаѣ и, послѣ переправы на правый его берегъ у с. Сатупово, направилась чрезъ Бабадагъ и Кюстенджи къ Варнѣ, куда 27-го августа прибылъ самъ императоръ. На другой же день гвардейскій корпусъ, подъ начальствомъ своего августѣйшаго командира, поступилъ въ составъ осадныхъ войскъ и за тѣмъ принималъ дѣятельное участіе въ траншейныхъ и минныхъ работахъ, въ отраженіи непріятельскихъ вылазокъ и охраненіи доступовъ къ крѣпости съ южной стороны. Ровно черезъ мѣсяцъ совершилось паденіе Варны.

Но еще прежде того, въ самомъ началѣ кампаніи, великому князю Михаилу Павловичу

высочайшимъ довѣріемъ поручено было начальство надъ особымъ корпусомъ, осаждавшимъ Браиловскую крѣпость съ ¹²/т.-мъ гарнизономъ; въ должности начальника штаба Его Высочества состоялъ И. О. Сухозанетъ, начальника осадныхъ работъ—А. К. Геруа и начальника артиллеріи—А. Д. Засядко. Послѣ шестинедѣльной осады и штурма 3-го іюня, Браиловъ сдался на капитуляцію, при чемъ нами было взято 278 орудій и до ²⁰/т. пудовъ пороха. Овладѣніе этою крѣпостью обезпечило сообщенія наши съ Россіей, Молдавіей и Валахіей, открыло нижнее теченіе Дуная и дало возможность Черноморскому флоту содѣйствовать успѣху осады Варны. За покореніе Браилова государь пожаловалъ великому князю знаки ордена Св. Георгія 2-го класса и шесть мѣдныхъ орудій изъ числа взятыхъ въ покоренной крѣпости. Въ эту же кампанію Его Высочество, находясь при обложеніи кр. Шумлы, принималъ личное участіе въ сраженіяхъ при наступательномъ движеніи 8-го іюля и занятіи высотъ праваго фланга—16-го іюля.

Въ слѣдующемъ году, послѣ ряда успѣховъ нашего оружія, покоренія Силистріи и занятія Адріанополя, заключенъ былъ миръ съ Турціей 2-го сентября; но войска наши окончательно возвратились въ предѣлы имперіи лишь къ осени 1830 года.

Въ 1831-мъ году ввѣренный командованію великаго князя Михаила Павловича отдѣльный гвардейскій корпусъ принималъ достославное участіе въ войнѣ противъ Польскихъ мятежниковъ, оказавъ особое отличіе въ дѣлахъ съ непріятелемъ между Бугомъ и Наревомъ, съ конца апрѣля по 13-е мая, и въ кровопролитномъ сраженіи подъ Остроленкой (14-го мая), гдѣ у насъ выбыло изъ строя 172 офицера и 4700 нижнихъ чиновъ, а поляки потеряли 255 офицеровъ и до 9-ти тысячъ солдатъ, въ томъ числѣ свыше 2-хъ тысячъ взятыхъ въ плѣнъ. Остроленкская побѣда имѣла для насъ весьма важныя послѣдствія, такъ какъ разбитая здѣсь Польская армія, столь сильно пострадавшая отъ убыли старыхъ солдатъ, утратила прежнее довѣріе къ своему предводителю Скржинецкому.

Съ прибытіемъ новаго главнокомандующаго, гр. Паскевича, къ нашей арміи она была раздѣлена на четыре колонны, изъ коихъ одна, численностью до ²⁰/т., поступила въ командованіе великаго князя Михаила Павловича; съ 6-го же августа ввѣренныя ему войска приняли участіе въ обложеніи столицы Царства. Его Высочество лично присутствовалъ при двухдневномъ штурмѣ Варшавы, куда и вступилъ съ гвардіей 27-го августа, а затѣмъ онъ же руководилъ блокадой крѣпости Мод-

лина, которую принудилъ къ безусловной сдачѣ 26-го сентября.

Выступленіе изъ Петербурга войскъ гвардіи въ Польскую кампанію началось въ исходѣ 1830 года; возвращеніе же ихъ въ столицу послѣдовало лишь въ началѣ 1832 года. За отличное мужество и примѣрную распорядительность въ эту кампанію Его Высочество былъ награжденъ званіемъ генералъ-адъютанта, почетною шпагой „за храбрость.“ съ алмазными украшеніями, и пожалованіемъ ключей отъ Модлинской крѣпости.

Черезъ десять лѣтъ послѣ того Михаилъ Павловичъ получилъ отъ Паскевича извѣщеніе объ открытіи на Вольскомъ кладбищѣ церкви въ память павшихъ воиновъ, при чемъ фельдмаршалъ вспоминалъ „славное и дѣятельное участіе Его Высочества въ дни штурма Варшавы.“ „Мое соучастіе,—писалъ великій князь въ отвѣтномъ письмѣ отъ 3-го декабря 1841 года,—въ вашихъ великихъ дѣлахъ было ничтожное; но могу-ли я довольно благодарить Всевышняго, что сподобилъ меня быть свидѣтелемъ ихъ!“

Въ 1832 году, въ день открытія вновь учрежденной тогда Императорской военной академіи, государю благоугодно было назначить своего брата въ званіе почетнаго ея президента. За годъ же предъ тѣмъ великій князь Михаилъ Павловичъ

былъ поставленъ во главѣ управленія пажескимъ корпусомъ, всѣми сухопутными кадетскими корпусами и дворянскимъ полкомъ.

Въ первый годъ главнаго начальствованія великаго князя надъ этими заведеніями, старѣйшее изъ нихъ праздновало уже свой столѣтній юбилей. Учрежденный по указу императрицы Анны Іоанновны въ 1732 году „Корпусъ кадетовъ", впослѣдствіи Императорскій сухопутный кадетскій корпусъ, съ 1800 года именовался 1-мъ кадетскимъ корпусомъ, который по воцареніи императора Николая Павловича удостоился чести считать Его Величество своимъ шефомъ. Наканунѣ юбилея корпусу пожаловано было новое знамя, а въ самый день празднованія, 17 февраля 1832 года, великій князь Михаилъ Павловичъ произвелъ парадъ батальону 1-го кадетскаго корпуса предъ монументомъ одного изъ славныхъ его питомцевъ, графа П. А. Румянцева-Задунайскаго. Черезъ два дня царственный начальникъ военно-учебнаго вѣдомства удостоилъ приглашенія къ своему столу и на вечеръ во дворцѣ многихъ воспитанниковъ какъ 1-го, такъ и другихъ столичныхъ кадетскихъ корпусовъ.

Остается еще упомянуть здѣсь, что съ 1836 года Его Высочество состоялъ главнымъ попечителемъ Чесменской (нынѣ Николаевской) военной богадѣльни, а впослѣдствіи долгое время предсѣ-

дательствовалъ въ особомъ комитетѣ, учрежденномъ для разработки воинскаго устава о строевой пѣхотной службѣ.

Въ царствованіе императора Николая I великій князь Михаилъ Павловичъ былъ всемилостивѣйше назначенъ шефомъ нижеслѣдующихъ имени Его Высочества полковъ: Владимірскаго уланскаго (1826 г.), л.-гв. уланскаго (1831 г.), Глуховскаго кирасирскаго и Нарвскаго гусарскаго (1832 г.), Тверского драгунскаго (1837 г.), Казанскаго егерьскаго (1839 г.) и Сибирскаго гренадерскаго (1844 г); кромѣ того онъ состоялъ, съ 1831 г., шефомъ двухъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ, Литовскаго и Волынскаго, а также числился въ Преображенскомъ полку, 3-я гренадерская рота котораго именовалась ротою Его Высочества.

Независимо отъ постояннаго командованія ввѣренными великому князю частями, государь неоднократно поручалъ ему общее начальствованіе надъ войсками въ экстренныхъ сборахъ по разнымъ случаямъ: въ 1834 году—при открытіи въ столицѣ монумента императору Александру I, въ 1835 г.—на большихъ маневрахъ подъ Калишемъ и въ 1837 г.—подъ Вознесенскомъ, въ 1839 г.—при открытіи памятника на Бородинскомъ полѣ и при торжественной закладкѣ въ Москвѣ храма во имя Христа Спасителя.

Наконецъ, въ 1844 году Его Высочество, сохранивъ за собою всѣ прежнія государственныя должности, былъ возведенъ въ званіе главнокомандующаго гвардейскими и гренадерскимъ корпусами. Гвардейскій пѣхотный корпусъ состоялъ изъ трехъ дивизій, съ пѣшею артиллеріей, саперныъ батальономъ, гвардейскимъ морскимъ экипажемъ и Финскимъ стрѣлковымъ батальономъ; въ составъ же гвардейскаго резервнаго кавалерійскаго корпуса входили: кирасирская и двѣ легкія кавалерійскія дивизіи, съ конною артиллеріей, и гвардейскій конно-піонерный дивизіонъ. Къ составу гренадерскаго корпуса, которымъ непосредственно командовалъ И. А. Набоковъ, а впослѣдствіи Н. Н. Муравьевъ, принадлежали три гренадерскія и одна легкая кавалерійская дивизіи, съ ихъ артиллеріей, саперный и стрѣлковый батальоны. Сверхъ того въ вѣдѣніи великаго князя, какъ главнокомандующаго, еще находились образцовыя войска: полки пѣхотный и кавалерійскій, съ учебнымъ эскадрономъ, и батареи пѣшая и конная, а также учебный саперный батальонъ, учебная артиллерійская бригада и ракетный дивизіонъ.

Постоянныя попеченія августѣйшаго начальника обращались какъ на правильное обученіе и содержаніе ввѣренныхъ ему войскъ, такъ и на возможное улучшеніе быта всѣхъ воинскихъ чи-

новъ и санитарнаго ихъ состоянія; особенно памятна сердечная заботливость Его Высочества объ охраненіи здоровья солдатъ гвардейскихъ и гренадерскаго корпусовъ при появленіи въ ихъ районѣ холерной эпидеміи въ 1818 году. Съ этого времени, въ ряду многихъ улучшеній относительно продовольствія войскъ, послѣдовало увеличеніе годовыхъ мясныхъ порцій съ 37-ми до 83-хъ фунтовъ на человѣка и впервые установленъ безденежный отпускъ соли по 20 ф. въ годъ на каждаго. Не менѣе вниманія обращено было на благоустройство военно-врачебныхъ заведеній и на развитіе способовъ призрѣнія заслуженыхъ инвалидовъ. Наконецъ слѣдуетъ упомянуть здѣсь и о томъ, что еще въ первое время командованія Его Высочества войсками гвардіи положено начало устройству при нихъ особыхъ заведеній для призрѣнія и обученія дѣтей нижнихъ воинскихъ чиновъ. На основаніи положенія, высочайше утвержденнаго 8-го октября 1832 г., опредѣлено было содержать во всѣхъ гвардейскихъ частяхъ школы для солдатскихъ сыновей: въ каждомъ пѣхотномъ полку—на 60, въ кавалерійскомъ—на 30, и въ саперномъ батальонѣ и въ каждой артиллерійской бригадѣ—на 20 воспитанниковъ, отъ 14-ти до 18-ти-лѣтняго возраста. Практическая цѣль этихъ школъ, сперва двухкласснаго, а съ 1844 года трех-

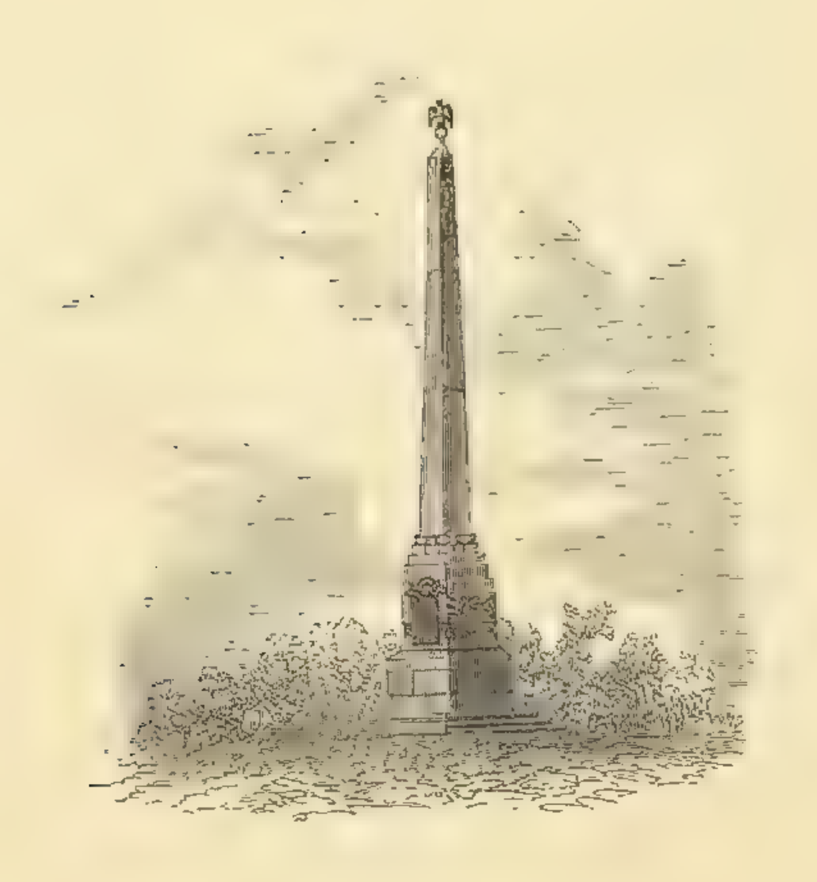
классного состава, заключалась „въ образованіи отличныхъ фельдфебелей, каптенармусовъ, унтеръ-офицеровъ, музыкантовъ, писарей, фельдшеровъ и мастеровъ всякаго рода“. Для удобнаго помѣщенія воспитанниковъ устроены въ казармахъ отдѣльныя жилыя и классныя комнаты; каждая школа содержалась на экономическія средства своей части, съ отпускомъ отъ казны опредѣленнаго пособія и съ обращеніемъ на тотъ же предметъ ежегодно получаемаго соотвѣтственною частью шефскаго жалованья. По представленію же великаго князя въ 1837 году отпущено было отъ казны 300 т. рублей для постройки дома гвардейскаго штаба въ Петербургѣ, на площади Зимняго дворца.

Кромѣ частыхъ инспекцій, ученій и смотровъ, производимыхъ всѣмъ перечисленнымъ выше частямъ, какъ въ мѣстахъ ихъ постояннаго расположенія, въ столицѣ и ея окрестностяхъ, въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ и въ Тверской губерніи, такъ и въ лагеряхъ подъ Краснымъ селомъ и Княжьимъ дворомъ, великій князь Михаилъ Павловичъ нерѣдко исполнялъ еще особыя монаршія порученія по инспектированію войскъ и военныхъ учрежденій, подвѣдомственныхъ другимъ главнымъ начальникамъ. Такая напряженная дѣятельность, при постоянныхъ занятіяхъ въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ и осо-

бо учреждаемыхъ комитетахъ, личное участіе въ утомительныхъ походахъ и военныхъ дѣйствіяхъ двухъ предшествовавшихъ кампаній и постоянные усиленные труды великаго князя по одновременному управленію тремя обширными вѣдомствами: артиллерійскимъ, инженернымъ и военно-учебныхъ заведеній,—все это въ совокупности было причиной сравнительно ранняго появленія у него болѣзненныхъ припадковъ. Уже въ 1835—36 г. г. онъ вынужденъ былъ начать лѣченіе на заграничныхъ водахъ, откуда спѣшилъ еще до срока вернуться къ своимъ служебнымъ обязанностямъ. „Скорый пріѣздъ Михаила Павловича,—писалъ государь Паскевичу 12 ноября 1836 года,—вмѣсто радости намъ скорѣе въ горе, ибо возвращается не кончивъ своего лѣченія; мы все истощили, чтобы его удержать отъ сего намѣренія, но его нравъ такой, что трудно его переспорить." Въ слѣдующемъ году государь выражалъ тому же лицу свои опасенія, чтобы „братъ Михаилъ, послѣ новой заграничной, поѣздки не повредилъ себѣ лишнимъ усердіемъ".

Дѣйствительно, состояніе здоровья великаго князя настоятельно требовало періодическаго лѣченія за границей, куда онъ снова ѣздилъ въ 1838, 1843 и 1846 г. г., а незадолго до кончины служебныя обязанности побудили его прервать предписанный врачами и уже начатый курсъ лѣтняго лѣченія.

Въ февралѣ 1849 года л. гв. Московскій полкъ праздновалъ двадцатипятилѣтіе со времени назначенія его шефомъ Михаила Павловича, которому поднесена была изготовленная по заказу полка золотая медаль. Наконецъ, 12-го іюля того же года Его Высочество въ послѣдній разъ оставилъ Петербургъ и отправился въ царство Польское, гдѣ были собраны, по объявленіи Венгерскаго похода, войска гвардіи и гренадерскаго корпуса.

II.

Наиболѣе прочное право на признательность потомства несомнѣнно стяжала въ Бозѣ почивающему великому князю его долгая, усердная и плодотворная дѣятельность по управленію всею артиллеріей, инженернымъ вѣдомствомъ и военно-учебными заведеніями.

Со дня своего рожденія носившій званіе генералъ-фельдцейхмейстера, Михаилъ Павловичъ по волѣ императора Александра I вступилъ въ управленіе артиллеріей 25-го іюля 1819 года. „Считаю себя счастливымъ,—писалъ онъ въ первомъ своемъ приказѣ,—принять въ управленіе знаменитый Артиллерійскій корпусъ, который, отличивъ себя мужествомъ во браняхъ и рѣдкимъ устройствомъ, утверждаетъ меня въ надеждѣ оправдать довѣріе монарха, столь лестное начальство мнѣ поручившаго“.

Прежде всего юный генералъ-фельдцейхмейстеръ обратилъ вниманіе на коренное условіе успѣшнаго развитія артиллеріи, которая, „на наукѣ будучи основана, должна быть снабжена весьма учеными офицерами“, и уже въ маѣ слѣдующаго года представилъ всеподданнѣйшій докладъ объ учрежденіи спеціальнаго училища „для образованія искусныхъ артиллерійскихъ офицеровъ“. Не далѣе, какъ чрезъ полгода по утвержденіи этого доклада, Артиллерійское училище (нынѣ Михайловское) было открыто 25 ноября 1820 года, а въ январѣ 1825 года дало уже первый выпускъ.

Великій князь, посѣщая созданное имъ заведеніе весьма часто, во всякое время дня и ночи, входилъ въ мельчайшія подробности его устройства, тщательно осматривалъ всѣ помѣщенія, присутствовалъ въ классахъ и на фронтовыхъ ученьяхъ, строго взыскивалъ за нарушеніе установленныхъ имъ правилъ, зналъ по фамиліямъ почти всѣхъ юнкеровъ и постоянно слѣдилъ за ихъ успѣхами въ наукахъ, поведеніи и строевомъ образованіи. Особое вниманіе Его Высочество обращалъ на выборъ начальниковъ, наставниковъ и преподавателей училища, всегда оказывалъ имъ полное содѣйствіе и поощрялъ болѣе прилежныхъ учениковъ. Въ исходѣ 1823 года онъ удостоился получить знаки ордена Св. Владиміра 1-й степени „за не-

усыпную попечительность объ основательномъ образованіи ввѣреннаго ему юношества". Ближайшими сотрудниками генералъ-фельдцейхмейстера по организаціи и развитію Артиллерійскаго училища последовательно были: А. Д. Засядко, гр. К. И. Оперманъ, И. О. Сухозапетъ, М. М. Кованько, бар. Н. В. Медемъ, Е. Х. Вессель, бар. И. Ѳ. Розенъ и О. П. Рѣзвой. За все время высшаго управленія Артиллерійскимъ училищемъ его августѣйшаго основателя выпущено изъ этого заведенія: по окончаніи полнаго курса—335 и прошедшихъ лишь курсъ юнкерскихъ классовъ—до 500 офицеровъ. Изъ этого числа многимъ Господь помогъ составить себѣ отличную репутацію, какъ на строевомъ и административномъ, такъ и на ученомъ и учебномъ поприщахъ; таковы, между прочими, почтенныя имена: А. А. Баранцова (впослѣдствіи графъ), Н. А. Баумгарта, П. А. Башилова, А. И. Бреверна (впослѣдствіи графъ), А. П. Ватаци, Э. П. Вестермарка, А. В. Гадолина, П. Е. Гольмана, Г. Г. Даниловича, Е. П. Есаулова, М. М. Жуковскаго, И. С. Каханова, бар. В. К. и П. К. Клодтъ, Р. И. Кнорринга, К. И. Константинова, П. А. Кочубея, Н. А. Крыжановскаго, А. А. Кузьмина, В. Н. Кузьмина, А. Ѳ. Лихачева, Н. В. Маіевскаго, кн. Н. Ѳ. Масальскаго, Д. Д. Неслова, Г. В. Новицкаго, А. А. Носова, Н. С. Ограновича,

Я. Ѳ. Ортенберга, А. И. Плесцова, Н. Г. Попова, А. С. Платова, В. Ѳ. Ратча, О. П. Рѣзвого, В. Г. Сабо, С. А. Слуцкаго, Н. П. Соловцова, Э. К. Стандершельда, И. И. Страдецкаго, бар. М. А. Таубе, Н. А. Усова, А. А. Фадѣева, А. Ѳ. Ферсмана, Р. Б. Шща, Н. Е. Штадена и В. М. Яфимовича.

Учрежденіе Артиллерійскаго училища и правильная постановка въ немъ учебнаго дѣла оказали благотворное вліяніе на дальнѣйшее совершенствованіе нашей артиллеріи; начавшіяся же съ 1837 года командировки, съ научными цѣлями, избранныхъ офицеровъ за границу вскорѣ поставили у насъ образованіе артиллеристовъ на одну высоту съ иностранными арміями.

Великій князь Михаилъ Павловичъ особенно дорожилъ мнѣніемъ старыхъ боевыхъ артиллеристовъ о созданномъ имъ заведеніи; такъ, въ 1837 году, онъ самъ привезъ въ училище извѣстнаго А. П. Ермолова и охотно выслушалъ опытныя его замѣчанія относительно тогдашней системы обученія и военнаго воспитанія юнкеровъ.

Черезъ четверть вѣка по открытіи этого заведенія генералъ-адъютантъ Сухозанетъ, заслуженый боевой артиллеристъ, бывшій тогда директоромъ Военной академіи, справедливо писалъ: „Пробѣгая періоды совершенствованія нашего ору-

жія, каждый усмотритъ, что учрежденіе Артиллерійскаго училища навсегда займетъ первенствующее мѣсто, увѣковѣчитъ воспоминаніе объ основателѣ сего заведенія и заслугами образовавшихся въ немъ офицеровъ упрочитъ и распространитъ славу нашей артиллеріи."

Одновременно съ основаніемъ Артиллерійскаго училища, по докладу генералъ-фельдцейхмейстера была учреждена въ Петербургѣ Учебная артиллерійская бригада, имѣвшая цѣлью подготовлять фейерверкеровъ. Для той же цѣли въ частяхъ полевой артиллеріи заведены были мѣстныя школы: батарейныя—съ одногодичнымъ и дивизіонныя—съ трехгодичнымъ курсомъ. Комплектованіе же артиллерійскихъ частей мастеровыми и нестроевыми нижними чинами производилось, какъ изъ школъ гарнизонной артиллеріи, такъ и устроенныхъ при арсеналахъ, оружейныхъ и пороховыхъ заводахъ. Для наблюденія за правильнымъ ходомъ образованія во всѣхъ названныхъ школахъ учрежденъ особый „Комитетъ артиллерійскихъ школъ." По представленію же великаго князя положено было начало центральному разсаднику артиллерійскихъ мастеровъ, получившихъ спеціальную, какъ теоретическую, такъ и практическую, подготовку. Съ этою цѣлью еще въ 1821 году учреждена Техническая артиллерійская школа

при Петербургскомъ арсеналѣ, съ четырехлѣтнимъ учебнымъ курсомъ, первоначально на 25, а впослѣдствіи, съ 1828 года, на 100 учениковъ.

Что касается вообще матеріальной части нашей артиллеріи, то разсматриваемый періодъ ознаменованъ цѣлымъ рядомъ существенныхъ въ ней улучшеній.

Послѣ общаго преобразованія артиллеріи въ 1833 году, учрежденъ комитетъ „для пересмотра и уравненія калибровъ нашихъ орудій.“ Затѣмъ, въ исходѣ тридцатыхъ годовъ были приняты у насъ орудія новой конструкціи, которыя сохранялись почти безъ измѣненій до введенія нарѣзныхъ орудій. Съ 1845 года начато снабженіе полевой артиллеріи лафетами и зарядными ящиками новой системы; въ то же время положено у насъ начало артиллеріи горной.

Къ исходу разсматриваемаго періода наша полевая артиллерія состояла изъ 93-хъ пѣшихъ и 40 конныхъ и казачьихъ батарей, имѣя въ общемъ числѣ 1352 орудія и вполнѣ удовлетворяя тогдашнимъ требованіямъ матеріальнаго благоустройства, подвижности и стрѣльбы. По достоинству же корпуса артиллерійскихъ офицеровъ и корпоративному духу между ними, этотъ родъ оружія пользовался у насъ особымъ почетомъ въ военной средѣ и неизмѣнно поддерживалъ свою боевую

славу, какъ при покореніи Карса, Эрзерума, Варны и Силистріи, при штурмѣ Варшавы, въ горахъ Кавказа и на поляхъ Венгріи, такъ и впослѣдствіи въ военныхъ дѣйствіяхъ на Дунаѣ, снова подъ Карсомъ и при геройской защитѣ Севастополя.

Наша осадная артиллерія была также преобразована и, по изданному въ 1848 году новому Положенію, во всѣхъ десяти ся отдѣленіяхъ опредѣлено имѣть 270 различныхъ орудій большихъ калибровъ; для крѣпостной же артиллеріи приняты были чугунныя орудія и желѣзные лафеты новой конструкціи (1838—1849 гг.).

Въ теченіе того же періода сдѣланы усовершенствованія въ системѣ вооруженія пѣхоты и кавалеріи постепенною замѣной, съ 1843 года, кремневаго оружія ударнымъ и отчасти введеніемъ нарѣзного оружія (штуцера Люттихскій и Гартунга и пистолеты Дельвиня).

Особенная заботливость августѣйшаго генералъ-фельдцейхмейстера постоянно обращалась на развитіе и усовершенствованіе техническихъ артиллерійскихъ заведеній. Результаты этой заботливости выразились въ постройкѣ новыхъ зданій, какъ для мѣстныхъ арсеналовъ, такъ и для оружейныхъ и пороховыхъ заводовъ, въ снабженіи ихъ усовершенствованными механизмами, въ изда-

нiи подробныхъ правилъ для производства работъ по годовымъ нарядамъ и въ подготовленiи искусныхъ мастеровъ. Въ началѣ разсматриваемаго перiода годовая производительность нашихъ арсеналовъ и оружейныхъ заводовъ вообще ограничивалась 40 орудiями, 40 лафетами, 20 зарядными ящиками и 60 т. штукъ ручного огнестрѣльнаго оружiя, тогда какъ въ среднемъ выводѣ за всѣ годы этого перiода приведенныя цифры возрасли до 130, 260, 150 и 135 т. Въ то же время ежегодно вырабатываемое нашими заводами количество пороха возрасло съ 40 т. до 110 т. пудовъ, число большихъ военныхъ лабораторiй увеличено съ 4-хъ до 8-ми и вновь устроены ракетное и два капсюльныхъ заведенiя.

Для высшаго управленiя нашей артиллерiей по инспекторской и технической частямъ, еще въ 1827 году впервые образованъ былъ штабъ генералъ-фельдцейхмейстера, получившiй новое Положенiе въ 1838 году; должность начальника этого штаба, по избранiю Его Высочества, послѣдовательно занимали генералы: А. Д. Засядко, кн. И. А. Долгоруковъ и А. П. Безакъ. Подъ высшимъ же начальствомъ Михаила Павловича, за все тридцатилѣтiе съ 1819-го по 1849-й годъ, командирами гвардейской артиллерiи состояли: И. О. Сухозанетъ, В. В. Гербель и С. П. Сума-

роковъ, а л.-гв. 1-ю артиллерійскою бригадой, шефомъ которой былъ Его Высочество, преемственно командовали: Е. Ѳ. Ховенъ, А. В. Нестеровскій, С. П. Сумароковъ, Г. Ѳ. Козляниновъ, П. И. Стаховичъ, Е. Х. Альтфатеръ, Н. И. Философовъ и П. П. Корниловъ.

28 января 1848 года русская артиллерія праздновала полувѣковой юбилей своего августѣйшаго генералъ-фельдцейхмейстера. Въ рескриптѣ, данномъ къ этому дню на имя Его Высочества, государь писалъ: „Съ особенною душевною радостью праздную я нынѣ, со всею россійскою артиллеріей, день вашего рожденія. Не буду говорить при семъ случаѣ о сердечныхъ чувствованіяхъ моихъ, какъ брата вашего: они вамъ извѣстны изъ нашей долголѣтней испытанной дружбы, изъ того личнаго уваженія, которое я привыкъ всегда питать къ достоинствамъ вашимъ. Но мнѣ остается исполнить священный для меня долгъ—отдать справедливость вашимъ государственнымъ заслугамъ и незабвеннымъ трудамъ, понесеннымъ по званію генералъ-фельдцейхмейстера. Завѣдывая почти тридцать лѣтъ артиллерійскою частью при другихъ обширныхъ и важныхъ обязанностяхъ, вы ознаменовали управленіе ваше существенными усовершенствованіями, поставившими русскую артиллерію на ту превосходную степень благоуст-

ройства во всѣхъ отношеніяхъ, на коей она, къ полному моему удовольствію, нынѣ находится.“

По случаю празднованія этого юбилея артиллерійскіе офицеры собрали между собою свыше 18 т. рублей для сооруженія бюста юбиляра; исполненный извѣстнымъ скульпторомъ И. П. Витали и отлитый изъ бронзы бывшимъ питомцемъ Артиллерійскаго училища, бар. П. К. Клодтомъ, бюстъ этотъ, съ высочайшаго соизволенія, поставленъ въ конференцъ-залѣ названнаго училища.

Чрезъ два мѣсяца послѣ того великій князь Михаилъ Павловичъ далъ слѣдующій приказъ по артиллеріи: „Начальникъ штаба моего представилъ, что изъ суммы, пожертвованной артиллерійскими офицерами съ цѣлью осуществить воспоминаніе о пятидесятилѣтіи со времени возложенія на меня званія генералъ-фельдцейхмейстера, остается за всѣми расходами 8168 рублей серебромъ. Къ этой суммѣ я предположилъ присоединить, изъ собственныхъ моихъ, единовременно 3000 рублей и ежегодно по 571 р. съ тѣмъ, чтобы на проценты съ образовавшагося капитала и ежегодно поступающіе отъ меня взносы воспитывались въ Маріинскомъ институтѣ пять дочерей недостаточныхъ и заслуженыхъ артиллерійскихъ генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ, преимущественно сиротъ по отцу или матери. Пансіонерокъ этихъ, въ память

происхожденія капитала, на который онѣ будутъ воспитываться, я полагалъ именовать „пансіонерками артиллеріи 28-го января 1848 года.“ Таковое предположеніе мое Его Величество соизволилъ удостоить всемилостивѣйшимъ одобреніемъ. Обращая такимъ образомъ навсегда въ пользу семействъ артиллеристовъ искренно цѣнимое мною ихъ приношеніе, я увѣренъ, что они примутъ участіе мое въ семъ учрежденіи, какъ новое доказательство душевной моей къ нимъ признательности.“

Остается еще напомнить здѣсь, что другой экземпляръ бюста Михаила Павловича, исполненный Клодтомъ по заказу общества офицеровъ гвардейской артиллеріи къ юбилею Его Высочества, отлитъ, съ соизволенія государя, изъ металла одного изъ взятыхъ при покореніи кр. Браилова турецкихъ орудій и нынѣ украшаетъ залу офицерскаго собранія л.-гв. 1-й артиллерійской бригады.

Что касается высшаго управленія нашимъ инженернымъ вѣдомствомъ, то великій князь Михаилъ Павловичъ былъ поставленъ во главѣ его высочайшимъ приказомъ 14 декабря 1825 года, а въ 1838 году вновь издано Положеніе о генералъ-инспекторѣ по инженерной части, съ подробнымъ распредѣленіемъ предметовъ вѣдѣнія между его штабомъ и Инженернымъ департаментомъ военнаго министерства.

Въ первомъ изъ нихъ сосредоточивались дѣла́ по личному составу инженернаго корпуса и по частямъ инспекторской, строевой, учебной, ученой и технической; вѣдѣнію же департамента подлежала вся хозяйственно-распорядительная часть.

Во второй четверти истекающаго вѣка, по непосредственнымъ указаніямъ императора Николая I и подъ руководствомъ великаго князя Михаила Павловича, положено прочное основаніе системѣ укрѣпленій, надежно ограждающей внѣшнюю безопасность имперіи. Такъ, по нашей западной границѣ въ теченіе этого періода вновь воздвигнуты: Аландскія укрѣпленія, Виленская и Варшавская-Александровская цитадели, Новогеоргіевскъ, Ивангородъ и Брестъ-Литовскъ, а также перестроены, съ значительнымъ усиленіемъ, Кронштадтъ, Динабургъ, Кіевъ и Бобруйскъ; по границѣ южной возведены новыя крѣпости въ Александрополѣ, Шушѣ, Новыхъ Закаталахъ и Ленкорани, перестроены Севастопольскія укрѣпленія и Измаилъ, и присоединены двѣ завоеванныя крѣпости, Эриванская и Ахалцыхская, а на восточной окраинѣ возобновлены и усилены крѣпости въ Оренбургѣ и Омскѣ.

Вообще же въ теченіе разсматриваемаго періода по всему пространству Россіи было вновь построено 10 крѣпостей и 135 отдѣльныхъ укрѣ-

пленій; болѣе значительныя изъ таковыхъ построекъ снабжены обширными казематированными помѣщеніями и въ строительномъ отношеніи представляли собою образцовыя, для своего времени, произведенія военнаго зодчества. Успѣху всѣхъ произведенныхъ тогда инженерныхъ работъ существенно содѣйствовали, какъ тщательное составленіе техническихъ моделей и принятыя мѣры къ усовершенствованію строительной, саперной и парковой частей, такъ и введеніе съ 1835 года новой системы оптовыхъ подрядовъ и хозяйственныхъ заготовленій.

Общій расходъ государственнаго казначейства на крѣпостныя сооруженія въ разсматриваемый періодъ простирался до 68-ми милліоновъ рублей; къ исходу же этого періода у насъ насчитывалось всего: штатныхъ крѣпостей 40, казематовъ, жилыхъ и нежилыхъ, до 9/т. и другихъ построекъ— свыше 2/т. Въ то же время значительно увеличился у насъ личный составъ собственно инженернаго корпуса, въ которомъ общее число генераловъ и офицеровъ, не достигавшее прежде и 400, возросло къ началу 1850 года до 610-ти.

Вмѣстѣ съ тѣмъ августѣйшій генералъ-инспекторъ обращалъ постоянное вниманіе на обученіе и практическія занятія инженерныхъ войскъ. Сверхъ ротныхъ и батальонныхъ школъ былъ

учрежденъ „Учебный саперный батальонъ“, въ 1826 году устроены кондукторскіе классы при Петербургскомъ батальонѣ военныхъ кантонистовъ, въ 1828 году заведены бригадныя саперныя школы, въ 1831 году издано подробное „Наставленіе для обученія саперныхъ батальоновъ по искусственной части“, и образованъ центральный Комитетъ саперныхъ школъ“. Практическія инженерныя работы производились на учебныхъ полигонахъ въ Красномъ селѣ, Новогеоргіевскѣ, Кіевѣ и Варшавѣ; работы эти служили не только для обученія саперному дѣлу, но и для рѣшенія многихъ техническихъ вопросовъ. Такъ, съ 1832 года, въ Красномъ селѣ производился рядъ опытовъ по примѣненію гальванизма къ взрывамъ, а въ сороковыхъ годахъ началось учрежденіе во всѣхъ саперныхъ батальонахъ и конно-піонерныхъ дивизіонахъ отдѣльныхъ гальваническихъ командъ. Наконецъ, въ 1846 году впервые введены были военные телеграфы въ учебныхъ командахъ каждой изъ саперныхъ бригадъ. Незадолго же предъ тѣмъ, по ходатайству Его Высочества, повелѣно было командировать ежегодно по одному оберъ-офицеру отъ каждаго саперпаго батальона на Кавказъ, для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ.

За все время управленія инженернымъ вѣдомствомъ великаго князя Михаила Павловича, въ

званіи начальника штаба Его Высочества состояли генералы гр. К. И. Оперманъ и А. К. Геруа, и въ званіи помощника его—В. Г. Политковскій; въ инженерномъ департаментѣ должность директора занималъ М. И. Клименко, а вице-директора Н. Г. Вансовичъ и А. И. Фельдманъ. Въ спеціальномъ же дѣлѣ приготовленія для инженернаго корпуса образованныхъ офицеровъ ближайшими сотрудниками генералъ-инспектора послѣдовательно были: гр. Е К. Сиверсъ, бар. Ѳ. Б. Эльснеръ, Х. Х. Христіани, В. Л. Шарнгорстъ и П. К. Ломновскій.

Учрежденное еще въ 1819 году по представленію великаго князя Николая Павловича, Главное инженерное училище (нынѣ Николаевское), въ въ теченіе всего разсматриваемаго періода, продолжало пользоваться особо-милостивымъ вниманіемъ самого императора и сердечною заботливостью августѣйшаго его брата, по ходатайству котораго, начиная съ 1832 года, отлично кончившіе въ училищѣ курсъ верхняго офицерскаго класса ежегодно командировались на казенный счетъ за границу—для теоретическаго усовершенствованія, и по русскимъ крѣпостямъ—для инженерной практики. Въ то же время, для распространенія между инженерными офицерами спеціальныхъ знаній, положено основаніе періодическому изданію „Инженерныхъ записокъ“.

За все время управленія великаго князя Михаила Павловича инженернымъ вѣдомствомъ названное училище успѣло приготовить для службы въ корпусѣ военныхъ инженеровъ и въ строевыхъ инженерныхъ частяхъ свыше 700 офицеровъ. Изъ числа ихъ приводимъ здѣсь имена болѣе выдающихся дѣятелей на службѣ военной, технической и педагогической: П. Г. Андреевъ, В. И. Ахшарумовъ, А. Г. Баторскій, Г. Ф. Бенецкій, В. И. Беренсъ, Д. Г. Биркинъ, Е. И. Биршертъ, Н. В. Болдыревъ, А. Н. Васильевъ, П. П. Винклеръ, П. П. Гарднеръ, О. Б. Гернъ, Н. П. Горловъ, П. В. Домерщиковъ, К. Я. Звѣревъ, Ф. А. Зейме, В. Я. Илляшевичъ, А. З. Кадьянъ, К. П. и М. П. фонъ-Кауфманъ, Э. Ѳ. Кесселеръ, бар. Н. Д. Корфъ, Н. И. Криднеръ, В. Н. Кубасовъ, А. А. Леве, Н. И. Миллеръ, А. Ѳ. Минквицъ, Ю. Ѳ. Нейманъ, гр. М. Г. Ниродъ, Н. О. Орловскій, Г. Е. Паукеръ, А. С. Перебаскинъ, А. Д. Подымовъ, Ѳ. Ѳ. Радецкій, А. И. Рейтлингеръ, Д. И. Романовскій, П. Е. Роше, А. А. Савурскій, К. К. Седергольмъ, А. З. Теляковскій, С. О. Теръ-Степановъ, С. А Тидебель, Э. И. Тилло, Э. И. Тотлебенъ (впослѣдствіи графъ), бар. П. К. Усларъ, П. Ѳ. Ферморъ, Э. П. Форшъ, Б. А. Шванебахъ и М. Р. Шидловскій.

Въ заключеніе остается упомянуть о доблестномъ участіи русскихъ инженеровъ и саперовъ

во всѣхъ войнахъ второй четверти истекающаго столѣтія, какъ и о боевыхъ ихъ подвигахъ на Дунаѣ, за Кавказомъ и въ Крыму въ 1853—1856 гг.

Переходя за тѣмъ къ обзору дѣятельности великаго князя Михаила Павловича по управленію вѣдомствомъ военно-учебныхъ заведеній, напомнимъ, что, имѣя уже подъ своимъ начальствомъ съ 1820 года Артиллерійское училище, а съ 1825 года, кромѣ Инженернаго училища, и Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, Его Высочество успѣлъ пріобрѣсти опытность въ учебно-административномъ дѣлѣ; въ 1830-мъ же году онъ призванъ былъ къ участію въ дѣлахъ учрежденнаго тогда Совѣта о военно-учебныхъ заведеніяхъ.

Въ слѣдующемъ году, послѣ кончины цесаревича Константина Павловича, императору Николаю I благоугодно было назначить своего младшаго брата главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, а 8-го декабря того же года онъ получилъ званіе шефа 2-го кадетскаго корпуса, при чемъ старшей ротѣ этого заведенія повелѣно именоваться ротою Его Высочества.

Тотчасъ-же по возвращеніи въ Петербургъ изъ Польскаго похода великій князь вступилъ въ исправленіе своей новой должности и прежде всего озаботился устройствомъ центральнаго управленія

вновь порученнаго ему монаршимъ довѣріемъ обширнаго вѣдомства.

Въ 29-й день февраля 1832-го года состоялось учрежденіе штаба Его Высочества по управленію пажескимъ корпусомъ, всѣми сухопутными кадетскими корпусами и дворянскимъ полкомъ. Въ должность начальника этого штаба былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ А. И. Кривцовъ, котораго въ 1835 году замѣнилъ гв. полковникъ Я. И. Ростовцовъ.

Выпущенный изъ пажескаго корпуса въ 1822 г., Ростовцовъ, состоя въ должности адъютанта великаго князя Михаила Павловича, участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Турокъ и Польскихъ мятежниковъ въ 1828—1831 гг., за тѣмъ до самой кончины Его Высочества постоянно былъ ближайшимъ его помощникомъ по организаціи нашихъ военно-учебныхъ заведеній и въ 1848 году удостоился получить званіе генералъ-адъютанта. Впослѣдствіи, оставаясь во главѣ управленія этими заведеніями, Ростовцовъ назначенъ присутствующимъ въ комитетѣ министровъ, членомъ Государственнаго совѣта и главнаго комитета о крестьянскомъ дѣлѣ, и предсѣдателемъ коммисій для составленія Положеній о крестьянахъ; въ то же время онъ былъ избранъ въ почетные члены императорской академіи наукъ, а также Петербургскаго,

Московскаго и Кіевскаго университетовъ. Болѣе двадцати лѣтъ Ростовцовъ постоянно пользовался особымъ довѣріемъ великаго князя и, по завѣщательному распоряженію Его Высочества, былъ главнымъ его душеприказчикомъ; дѣятельными же сотрудниками Ростовцова въ дѣлахъ по управленію военно-учебными заведеніями за разсматриваемый періодъ были: П. М. Свѣтловъ, О. С. Лихонинъ, гр. Н. М. Ламсдорфъ, П. Н. Глѣбовъ, Д. А. Милютинъ, А. П. Карцовъ и Ѳ. Н. Горемыкинъ.

Еще въ апрѣлѣ 1830-го года издано было проектированное по личнымъ указаніямъ императора Николая Положеніе о военно-учебныхъ заведеніяхъ, по которому общая цѣль ихъ заключалась „въ доставленіи юному россійскому дворянству приличнаго сему званію воспитанія и въ обученіи воспитанниковъ всему, что въ предопредѣленномъ для нихъ военномъ званіи знать необходимо нужно“. Сообразно этой основной цѣли, въ долгій періодъ управленія великаго князя Михаила Павловича названными заведеніями, съ 1831-го до 1849-го года, постоянно разработывалась у насъ, во всѣхъ подробностяхъ, новая система военнаго воспитанія и устанавливался тотъ строго опредѣленный порядокъ во внутренней жизни заведеній, который сохранился въ главныхъ чертахъ до настоящаго времени.

Каждый кадетскій корпусъ состоялъ изъ четырехъ или пяти ротъ, съ подраздѣленіемъ ихъ на группы по 25—35-ти воспитанниковъ приблизительно одинаковаго возраста; въ помощь ротному командиру и отдѣленнымъ офицерамъ, исполнявшимъ и очередныя дежурства при кадетахъ, лучшіе воспитанники старшихъ классовъ назначались на отвѣтственныя должности фельдфебеля и унтеръ-офицеровъ. Общее управленіе каждымъ заведеніемъ сосредоточивалось въ лицѣ его директора, ближайшими помощниками котораго служили: по части учебной—инспекторъ классовъ, по части воспитательной и фронтовой—батальонный командиръ съ младшимъ штабъ-офицеромъ, и по части хозяйственной—полиціймейстеръ; при каждомъ же заведеніи образованы были изъ штатныхъ его чиновъ воспитательный и хозяйственный комитеты.

Въ продолженіе того же восемнадцатилѣтняго періода число подвѣдомственныхъ Его Высочеству общеобразовательныхъ военно-учебныхъ заведеній (9) удвоилось [1], штатный комплектъ воспитывавшихся въ нихъ увеличился съ 4600 до 7000, а ежегодные расходы военно-учебнаго вѣдомства

[1] Кромѣ того, съ 1831-го по 1843-й годъ подъ главнымъ начальствомъ великаго князя Михаила Павловича состоялъ и Царскосельскій лицей, хотя уже съ 1826 г. заведеніе это предназначалось для приготовленія молодыхъ людей „только къ статской службѣ“.

возрасли съ 800.000 до 2.200.000 рублей. Кромѣ увеличенія числа корпусовъ, такое значительное усиленіе затратъ казны на дѣло военнаго воспитанія обусловливалось произведенными тогда весьма существенными улучшеніями по всѣмъ частямъ устройства военно-учебныхъ заведеній.

Вскорѣ по учрежденіи отдѣльнаго штаба Его Высочества для управленія военно-учебными заведеніями, было вновь издано полное систематическое уложеніе для этихъ заведеній, подробно опредѣлявшее, въ общемъ числѣ 1762-хъ статей закона. весь порядокъ веденія въ нихъ дѣла по частямъ учебно-воспитательной и административно-хозяйственной (Свода военныхъ постановленій, ч. I, кн. III, изд. 1838 г.).

Въ упомянутомъ основномъ законѣ, какъ и въ другихъ руководящихъ правилахъ для тогдашнихъ кадетскихъ корпусовъ, преимущественное вниманіе обращалось на воспитаніе нравственное: религія же, какъ надежнѣйшее основаніе нравственности, поставлена во главѣ всего ученія и воспитанія, при чемъ указывалось, что „рѣшительнѣйшее вліяніе на образъ мыслей, сердце и характеръ имѣетъ вѣра“.

Самъ Михаилъ Павловичъ, слѣдуя завѣту своей благочестивой матери, всегда являлся искренно вѣрующимъ христіаниномъ; такъ, въ 1832 году,

онъ писалъ Воронежскому епископу Антонію: „Явленіе чудотворца, святителя Митрофана, признавая за новое и ясное знаменіе безпредѣльныхъ милостей, Господомъ изливаемыхъ на государя нашего и Россію, я съ сердечнымъ умиленіемъ принялъ присланный мнѣ образъ праведника и поручаю себя, жену и дѣтей моихъ предстательству его у престола Всевышняго и молитвамъ вашимъ". Благодаря же сердечнымъ заботамъ великаго князя о добромъ религіозномъ назиданіи ввѣреннаго ему юношества, большинство военно-учебныхъ заведеній того времени имѣло такихъ выдававшихся по своимъ достоинствамъ законоучителей, какъ А. И. Маловъ, І. В. Рождественскій, Н. Ф. Раевскій, А. Н. Шавровъ, А. Ѳ. Малиновскій, Е. Н. Остромысленскій и др.

На основаніи новаго закона, общеобразовательный и спеціально-военный курсъ кадетскихъ корпусовъ распредѣленъ былъ на восемь послѣдовательныхъ классовъ, съ изданіемъ по каждому предмету обязательныхъ программъ, конспектовъ и учебныхъ руководствъ, изъ коихъ многія представляли собою весьма цѣнные вклады въ нашу едва возникавшую тогда педагогическую литературу; таковы, между прочимъ, общеизвѣстные труды: Буняковскаго, Весселя, Гесса, Даля, Добровольскаго, Кушакевича, Ленца, Медема, Остроград-

скаго, Постельса, Разина, Сапожникова, Соколовскаго, Сомова,. Теляковскаго, Шульгипа и Щеглова.

Въ то же время для большинства военно-учебныхъ заведеній возведены новыя здапія, а для остальныхъ—капитальпо перестроены и расширены прежнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для лѣтняго пребыванія воспитанниковъ въ загородныхъ мѣстностяхъ, устроены постоянные лагери, со всѣми приспособленіями для просторнаго и удобпаго жительства какъ самихъ кадетъ, такъ и ихъ наставниковъ; для лѣтпяго же лѣчепія хронически-больныхъ воспитанниковъ великій князь устроилъ центральную санитарную станцію въ своемъ Ораніенбаумскомъ имѣніи, а потомъ въ с. Лопухинкѣ и въ г. Старой Руссѣ.

Въ тридцатыхъ же годахъ положено начало обученію кадетъ гимнастикѣ, верховой ѣздѣ, фехтованію, танцованію и пѣнію, а также приняты мѣры для возможныхъ улучшеній въ содержаніи воспитанниковъ и въ обстановкѣ ихъ помѣщеній; тогда же впервые организованы были лагерныя занятія кадетъ старшихъ классовъ топографическими, полевыми инженерными и военно-лабораторными работами и практическою стрѣльбой.

По дѣйствовавшему тогда закону, въ кругъ обязанностей Главнаго Начальника военно-учеб-

ныхъ заведеній входило и „избраніе для нихъ надежныхъ руководителей." Сколь важное значеніе для успѣха учебно-воспитательнаго дѣла придавалъ Михаилъ Павловичъ практическому выполненію такого именно требованія, видно изъ того, во первыхъ, что съ самаго основанія созданнаго и руководимаго имъ Артиллерійскаго училища оно постоянно отличалось наилучшимъ составомъ наставниковъ и, во вторыхъ, что въ большинствѣ другихъ подвѣдомственныхъ Его Высочеству заведеній директоры и инспекторы классовъ несомнѣнно принадлежали къ числу выдававшихся людей по своимъ личнымъ качествамъ; для подтвержденія приведемъ здѣсь лишь болѣе почтенныя имена: К. Ѳ. Клингенберга, Ѳ. Г. Гольтгоера, П. И. Хатова, П. П. Годеина, П. Н. Игнатьева, бар. К. А. Шлиппенбаха, бар. Ѳ. Б. Эльснера, Х. Х. Христіани, В. Л. Шарнгорста, А. О. Статковскаго, Н. П. Анненкова, М. Ѳ. Брадке, А. И. Бородина, П. К. Хвощинскаго, Ѳ. Я. Мирковича, А. П. Бибикова, Х. Н. Вилькена, бар. Р. И. Мунка, А. Н. Сутгофа, В. Ф. Святловскаго, Я. Ѳ. Ортенберга, А. Я. Кушакевича, А. М. и Д. М. Павловскихъ, В. М. Бруевича, М. И. Божерянова, кн. В. В. Львова, Ѳ. Г. Ницкевича и В. А. Половцева. Но и при такомъ выборѣ главныхъ руководителей въ каждое изъ военно-учебныхъ заведеній, центральная

администрація не могла не встрѣтить большихъ затрудненій въ надежномъ комплектованіи учебно-воспитательнаго ихъ персонала.

Извѣстно, что до тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія состояніе учебнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ мало способствовало образованію достаточнаго контингента хорошихъ учителей и воспитателей для русской школы вообще. Такъ, произведенная въ 1826 году общая ревизія нашихъ гимназій обнаружила крайнюю неудовлетворительность тогдашняго ихъ состоянія, и новый министръ народнаго просвѣщенія, Уваровъ, нашелъ эти заведенія „въ совершенномъ упадкѣ, безъ довѣрія, безъ средствъ, даже безъ питомцевъ“. По его же отзыву, не въ лучшемъ положеніи оказывались тогда и наши университеты, а ежегодное число обучавшихся въ каждомъ изъ нихъ студентовъ нерѣдко ограничивалось лишь нѣсколькими десятками.

Собственно для приготовленія профессоровъ и гимназическихъ преподавателей еще въ 1804 г. былъ устроенъ у насъ Педагогическій институтъ, при которомъ въ 1817 г. особо учрежденъ 2-й разрядъ, съ цѣлью приготовленія учителей въ низшія учебныя заведенія; но не далѣе, какъ черезъ четыре года, оба эти учрежденія были упразднены, а за тѣмъ вновь возстановлены лишь въ 1828 и 1838 гг.

Одинъ же изъ предшественниковъ Уварова, гр. А. К. Разумовскій, управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія съ 1810 по 1817 г., офиціально заявлялъ между прочимъ о томъ, что „во многихъ училищахъ преподаются науки безъ всякаго вниманія къ пользѣ учащихся, такъ какъ учителя стараются болѣе обременять, нежели изощрять память ихъ и, вмѣсто развиванія разсудка, притупляютъ оный" (цирк. предл. 8 іюля 1810 г.), что „нѣкоторые директоры и учители дѣлаютъ тѣлесныя наказанія учениковъ и даже съ ожесточеніемъ" (цирк. предл. 18 марта 1811 и 14 февр. 1814 г.), что „многіе изъ учащихъ распускаютъ учениковъ изъ классовъ прежде времени, сами приходятъ въ классы позже, нежели какъ должно, а иногда и вовсе не бываютъ въ классахъ" (цирк. предл. 6 іюля 1812 г.) и т. п. Наконецъ, тотъ же министръ нашелся вынужденнымъ разослать всѣмъ начальникамъ учебныхъ округовъ циркуляръ, отъ 31 января 1814 г., такого содержанія: „Изъ доходящихъ ко мнѣ свѣдѣній, къ крайнему прискорбію усматриваю я, что учителя, кои должны служить для учащихся примѣромъ въ поведеніи, нерѣдко обращаются въ пьянствѣ, такъ что дѣлаются неспособными къ отправленію должности. Въ прекращеніе сего предпишите, собравъ въ каждомъ учебномъ заведеніи учителей, объявить

имъ, что если кто изъ нихъ впредь замѣченъ будетъ въ пьянствѣ, столь гнусномъ порокѣ наипаче для наставника юношества, таковой не только лишится мѣста и будетъ исключенъ безъ атестата, но сверхъ того еще опубликованъ въ вѣдомостяхъ".

Сознавая всю трудность пріисканія хорошо подготовленныхъ дѣятелей и для военно-учебныхъ заведеній, царственный организаторъ ихъ, вскорѣ по вступленіи въ должность Главнаго Начальника, поставилъ, однакоже, въ непремѣнную обязанность директоровъ кадетскихъ корпусовъ „строгое наблюденіе за тѣмъ, чтобы только люди истинно достойные, съ чистою нравственностью, съ познаніями и способностями къ воспитанію, были допускаемы въ должности воспитателей". Затѣмъ въ самомъ законѣ были даны подробно мотивированныя руководящія указанія относительно цѣли и способовъ нравственнаго воспитанія кадетъ, съ точнымъ опредѣленіемъ служебныхъ обязанностей ротныхъ командировъ и отдѣленныхъ офицеровъ. Въ видахъ же привлеченія на эти должности болѣе достойныхъ дѣятелей, великій князь исходатайствовалъ назначеніе столовыхъ денегъ корпуснымъ офицерамъ, сравненіе ихъ по правамъ службы и окладамъ съ артиллерійскими офицерами и назначеніе добавокъ къ штатному содержанію за пяти- и десяти-лѣтнюю выслугу въ корпусахъ.

Наконецъ, съ особенною признательностью военно-учебное вѣдомство всегда будетъ вспоминать проектированное по указаніямъ Михаила Павловича „Положеніе о службѣ по учебной части въ военно-учебныхъ заведеніяхъ", удостоившееся высочайшаго утвержденія въ 27-й день мая 1836 года.

До этого времени наши военно учебныя заведенія почти не имѣли своихъ постоянныхъ преподавателей, кромѣ учителей изъ кантонистовъ и изъ корпусныхъ офицеровъ, вознагражденіе коихъ за уроки было лишь „сердобольнымъ пособіемъ"; большинство же преподавателей достойныхъ и дѣйствительно полезныхъ числилось на службѣ въ постороннихъ вѣдомствахъ. Такъ, по офиціальному заявленію министра народнаго просвѣщенія Уварова въ 1831 году, „въ подвѣдомственныхъ ему столичныхъ заведеніяхъ нѣтъ почти ни одного отличнаго профессора или учителя, который въ то же время не давалъ-бы уроковъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ".

По новому закону, преимущества учебной службы распространялись на инспекторовъ классовъ, штатныхъ преподавателей, репетиторовъ, библіотекарей и смотрителей музеевъ; для замѣщенія первой изъ этихъ должностей положено было избирать лицъ „извѣстныхъ своими правилами, имѣющихъ основательныя свѣдѣнія въ наукахъ и до-

статочную опытность въ дѣлѣ воспитанія.“ Въ число штатныхъ преподавателей допускались безъ особаго испытанія академики, профессоры и учителя гимназій, а также молодые люди, успѣшно окончившіе курсъ въ университетахъ, лицеяхъ и военной академіи, или же въ офицерскихъ классахъ артиллерійскаго и инженернаго училищъ и въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія; всѣ другіе аспиранты принимались въ учебную службу не иначе, какъ по выдержаніи установленнаго испытанія, и утверждались въ должности лишь послѣ годичнаго успѣшнаго преподаванія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, должность штатныхъ преподавателей наукъ и языковъ положена въ VIII классѣ, съ правомъ производства на службѣ тремя чинами выше этого класса; жалованье же имъ назначалось „по мѣрѣ трудовъ и заслугъ каждаго,“ съ отводомъ казенныхъ квартиръ или съ отпускомъ квартирныхъ денегъ. Наконецъ, оклады пенсій штатнымъ преподавателямъ разсчитывались сообразно числу еженедѣльныхъ ихъ уроковъ и простирались отъ 900 до 2600 р. ассигн. Прослужившіе въ учебныхъ должностяхъ 15 лѣтъ получали при отставкѣ въ пенсію одну треть полнаго оклада, за 20 лѣтъ—двѣ трети и за 25 лѣтъ—полный окладъ, который они, если оставались на дальнѣйшей службѣ, получали сверхъ жалованья: за каж-

дое же пятилѣтіе, выслуженное послѣ 25-ти лѣтняго срока, къ нормальному окладу пенсіи прибавлялась, какъ на службѣ, такъ и при отставкѣ, еще одна пятая его доля.

Совокупность такихъ существенныхъ правъ и преимуществъ, вновь дарованныхъ упомянутымъ Положеніемъ 1836 года всѣмъ чинамъ учебной части кадетскихъ корпусовъ, обезпечивъ возможность привлеченія на преподавательскую въ нихъ службу лучшихъ педагогическихъ силъ, всего болѣе содѣйствовала практическому успѣху тѣхъ мѣръ, кои были предприняты въ періодъ главнаго начальствованія Его Высочества для правильной постановки учебнаго курса въ корпусахъ и для усовершенствованія въ нихъ способовъ обученія воспитанниковъ. Напомнимъ еще, что впервые предоставленныя названнымъ закономъ чинамъ учебной службы преимущества были, не далѣе какъ чрезъ полгода по его изданіи, распространены на служащихъ въ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія и сохраняютъ, въ основныхъ чертахъ, свою силу до настоящаго времени.

Что касается фактическихъ результатовъ учебно-воспитательной дѣятельности кадетскихъ корпусовъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ истекающаго столѣтія, то средній размѣръ ежегодныхъ выпусковъ изъ нихъ увеличился съ 250-ти

до 500 офицеровъ, изъ коихъ почти половина поступала на службу въ гвардію и специальные роды оружія; кромѣ того, въ общемъ числѣ выпущенныхъ изъ военной академіи, въ первыя двадцать лѣтъ ея существованія, офицеровъ Генеральнаго штаба, получившіе предварительное образованіе въ кадетскихъ корпусахъ составляли болѣе 70%.

Наконецъ, въ послѣдніе два года разсматриваемаго періода (1848 и 1849) усиленные выпуски изъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній дали нашимъ войскамъ до ²/т. офицеровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, современная лѣтопись нашихъ офицерскихъ разсадниковъ представляетъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ о томъ, что они постоянно давали русской арміи офицеровъ въ большинствѣ надежныхъ, знающихъ и любящихъ свое дѣло, самоотверженныхъ и хорошо подготовленныхъ къ выполненію служебныхъ обязанностей.

По ходатайству великаго князя Михаила Павловича, въ первый же годъ его управленія военно-учебнымъ вѣдомствомъ было повелѣно: имѣть въ церкви каждаго отдѣльнаго заведенія черныя мраморныя доски съ именами тѣхъ изъ выпущенныхъ имъ на службу офицеровъ, кои убиты въ сраженіяхъ или умерли отъ полученныхъ ранъ; „если же,—прибавлено было,—смерть послѣдовала при

совершеніи личнаго подвига въ честь воинской славы Россіи, то изображать на доскѣ и краткое описаніе подвига". Въ силу этого повелѣнія, на церковныхъ доскахъ всѣхъ нашихъ заведеній сохраняются сотни именъ павшихъ въ бою героевъ, получившихъ военное воспитаніе въ періодъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Особенно богата свидѣтельствами о воинскихъ подвигахъ юныхъ офицеровъ тогдашняя хроника Кавказской войны, одинъ изъ славныхъ участниковъ которой, храбрый и правдивый П. Х. Граббе, писалъ послѣ кровопролитнаго штурма Ахульго въ 1839 году: „Нельзя не быть глубоко тронутымъ, видя безпримѣрное самоотверженіе офицеровъ молодого поколѣнія, возросшаго уже подъ отеческою рукой государя". Напомнимъ еще, что большинство артиллерійскихъ и саперныхъ офицеровъ, оказавшихъ болѣе видныя боевыя отличія въ Восточную войну 1853—56 гг., принадлежало къ числу питомцевъ военно-учебныхъ заведеній вышеуказаннаго періода.

Съ увеличеніемъ числа нашихъ военно-учебныхъ заведеній и всестороннимъ развитіемъ въ нихъ учебно-воспитательнаго дѣла, великій князь призналъ необходимымъ дать болѣе правильную организацію и центральному ихъ управленію. При утвержденіи вновь проектированнаго закона объ этомъ управленіи императоръ Николай Павловичъ

писалъ своему брату въ рескриптѣ отъ 25 марта 1843 года: „Желая поставить дворянскія военно-учебныя заведенія на степень возможнаго совершенства, я подчинилъ ихъ въ 1831 году вашему главному начальству. Среди безчисленныхъ трудовъ по исполненію другихъ важныхъ обязанностей, на васъ возложенныхъ, военно-учебныя заведенія постоянно были предметомъ вашей неусыпной заботливости. Всевышній благословилъ ваши попеченія. Ввѣренныя вамъ заведенія представляютъ нынѣ утѣшительный примѣръ отдѣльнаго управленія, стяжавшаго общую довѣренность и общую благодарность. Увеличенныя въ числѣ и по внутреннему устройству годъ отъ году видимо совершенствуясь, заведенія эти доставили уже арміи, по всѣмъ родамъ оружія, офицеровъ усердныхъ, нравственныхъ, образованныхъ и способныхъ. Изъ всѣхъ концовъ имперіи слышу я благословенія отцовъ и матерей за родительскую попечительность вашу о ихъ дѣтяхъ, за христіанское просвѣщеніе и истинно русское ихъ воспитаніе. Нынѣ, желая упрочить благосостояніе военно-учебныхъ заведеній и на будущее время, ваше высочество составили для управленія ими подробное Положеніе, вполнѣ достойное его высокой цѣли. Съ живѣйшимъ удовольствіемъ утвердивъ сіе Положеніе, предоставляю вамъ привести его немедленно въ исполненіе. Я

увѣренъ, что неослабное дѣйствіе новыхъ правилъ подъ попечительнымъ начальствомъ вашимъ послужитъ къ вящшему преуспѣянію заведеній столь близкихъ сердцу моему".

Положеніемъ 1843 года Главному Начальнику военно-учебныхъ заведеній присвоены власть и права министровъ и главноуправлявшихъ отдѣльными вѣдомствами; на обязанность же его возложены заботы о приготовленіи достойныхъ офицеровъ для всѣхъ родовъ нашихъ войскъ.

Вскорѣ за тѣмъ, по представленію Его Высочества, одинъ изъ наиболѣе просвѣщенныхъ нашихъ генераловъ, бар. Н. В. Медемъ, былъ командированъ на продолжительное время за границу, съ порученіемъ „слѣдить за ходомъ усовершенствованія въ Европѣ военныхъ наукъ и тѣмъ способствовать развитію преподаванія ихъ въ русскихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ". Тогда же подробныя программы для всѣхъ учебныхъ предметовъ, впервые изданныя въ 1840 году, подвергнуты были тщательному пересмотру и за тѣмъ вновь отпечатаны въ исправленномъ и значительно дополненномъ видѣ.

Наконецъ, для точнаго установленія основной цѣли, содержанія и объема всей учебной подготовки будущихъ офицеровъ русской арміи, въ послѣдній годъ жизни Михаила Павловича составленъ былъ,

по его непосредственнымъ указаніямъ, проектъ „Наставленія для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній“, вполнѣ одобренный самимъ государемъ и высочайше утвержденный 24 декабря 1848 года.

Остается еще прибавить здѣсь, что какъ вновь учрежденные, такъ и преобразованные Его Высочествомъ наши кадетскіе корпуса дѣйствительно пользовались среди русскаго общества репутаціей наиболѣе благоустроенныхъ учебно-воспитательныхъ заведеній. Число кандидатовъ на поступленіе въ корпуса, едва достигавшее въ началѣ тридцатыхъ годовъ одной тысячи, къ 1837 году возрасло до ^{3}/т., а въ 1845 году уже превысило ^{7}/т. человѣкъ; общій же итогъ пожертвованій дворянскихъ обществъ и отдѣльныхъ благотворителей на предметъ устройства и развитія у насъ военно-учебныхъ заведеній, доходившій въ началѣ разсматриваемаго періода лишь до ^{500}/т. рублей, къ исходу его увеличился болѣе чѣмъ въ десять разъ.

Въ 1836 году генералъ Н. Д. Чертковъ пожертвовалъ милліонъ рублей и благопріобрѣтенное имъ имѣніе съ ^{2}/т. крестьянъ на устройство въ г. Воронежѣ кадетскаго корпуса, при чемъ ходатайствовалъ о наименованіи его „Михайловскимъ„ въ честь великаго князя Михаила Павловича. „Я сдѣлалъ это пожертвованіе,—писалъ ему Черт-

ковъ,—отъ чистаго сердца, въ изъявленіе чувствъ моей преданности лично къ Вашему Высочеству". Въ слѣдующемъ же году произведена закладка зданія для Михайловскаго корпуса въ присутствіи самого великаго князя, который за три года предъ тѣмъ удостоилъ лично открыть первый изъ губернскихъ кадетскихъ корпусовъ—Новгородскій. Впослѣдствіи были еще открыты вновь учрежденные кадетскіе корпуса: Полоцкій (1835 г.), Петровскій-Полтавскій (1840 г.), Александровскій-Брестскій (1842 г.) и Орловскій-Бахтина (1843), а также подготовлены къ открытію 2-й Московскій (нынѣ императора Николая I), Александринскій-Сиротскій и Владимірскій-Кіевскій.

Изъ вышеизложеннаго видно, что въ Бозѣ почившій великій князь, съ первыхъ же лѣтъ управленія военно-учебнымъ вѣдомствомъ до конца дней своихъ, постоянно прилагалъ сердечныя заботы къ дѣлу развитія и внутренняго благоустройства подвѣдомственныхъ ему заведеній вообще и въ особенности къ возможному улучшенію быта ввѣренныхъ его попечительности дѣтей и юношей.

Въ 1834 году, послѣ смотра, произведеннаго кадетамъ въ Петергофскомъ лагерѣ, Михаилъ Павловичъ на другой же день выразилъ имъ свое удовольствіе въ такихъ словахъ приказа: „Я видѣлъ въ дѣйствіяхъ каждаго рвеніе угодить сво-

ему начальнику и искреннее желаніе заслужить его одобреніе; по моей любви къ ввѣреннымъ мнѣ воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній вчерашній день былъ истиннымъ для меня праздникомъ“.

Лѣтомъ 1836 года, уѣзжая въ заграничный отпускъ, Его Высочество писалъ въ своемъ, прощальномъ приказѣ: „Военно-учебныя заведенія оставить мнѣ очень грустно: я привыкъ душевно любить ихъ“. Изъ сохранившейся въ архивѣ Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній обширной переписки Ростовцова съ великимъ княземъ (за 1835—1849 гг.) видно, съ какимъ неослабнымъ вниманіемъ и живѣйшимъ участіемъ Его Высочество, даже находясь за границей для лѣченія, не переставалъ слѣдить за преуспѣяніемъ этихъ заведеній, въ которыхъ „никакое нововведеніе, никакая перемѣна, хотя-бы самыя мелочныя, не дѣлались безъ его непосредственнаго обсужденія и указанія“. При своихъ личныхъ инспекціяхъ отдѣльныхъ заведеній, царственный начальникъ входилъ въ подробности жизни воспитанниковъ, тщательно осматривалъ всѣ ихъ помѣщенія, одежду и бѣлье, давалъ указанія наставникамъ и строго порицалъ замѣченныя упущенія. Получая же постоянно донесенія о выдававшихся по своимъ успѣхамъ ученикахъ, великій князь поощрялъ ихъ ми-

лостивымъ личнымъ вниманіемъ, не рѣдко приглашалъ въ свой дворецъ, гдѣ они пользовались радушнымъ гостепріимствомъ августѣйшей хозяйки и ея дочерей, присылалъ для кадетъ билеты на театральныя представленія, устраивалъ для нихъ концерты и увеселительныя прогулки на своей Каменноостровской дачѣ, въ Павловскѣ и въ Ораніенбаумскомъ паркѣ, и вообще доставлялъ имъ всевозможныя развлеченія. Къ этому времени относится начало устройства въ кадетскихъ корпусахъ домашнихъ спектаклей, танцовальныхъ вечеровъ гимнастическихъ упражненій на открытомъ воздѣхѣ и различныхъ подвижныхъ игръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ начальству заведеній предписывалась поощрять занятія воспитанниковъ музыкой, имѣя въ виду, что „она, какъ и всякое изящное искусство. возвышаетъ духъ человѣкъ, даетъ ему средство быть пріятнымъ въ обществѣ, а въ грустныя минуты жизни служитъ иногда утѣшеніемъ“.

Не менѣе вниманія было обращено и на пріученіе кадетъ къ полезному внѣ-классному чтенію. Съ этою цѣлью при центральномъ управленіи военно-учебнаго вѣдомства начато съ 1836 года изданіе особаго „Журнала для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній“, которому, съ высочайшаго соизволенія, предоставлено было исключительное право перепечатывать избранныя

статьи изъ всѣхъ появлявшихся у насъ въ свѣтъ изданій; журналъ этотъ, выходившій ежемѣсячно двумя книжками, продолжалъ издаваться въ теченіе почти тридцати лѣтъ и разсылался во всѣ заведенія по разсчету одного экземпляра на каждыхъ пять воспитанниковъ. Кромѣ того, въ 1848 г. штабомъ военно-учебныхъ заведеній изданъ нормальный каталогъ книгъ, руководствуясь которымъ каждое изъ нихъ обязано было систематически пополнять свою библіотеку по всѣмъ ея отдѣламъ.

Наконецъ, что касается строевыхъ занятій въ кадетскихъ корпусахъ, то еще въ началѣ своего управленія военно-учебнымъ вѣдомствомъ великій князь усмотрѣлъ изъ отчетовъ, что многіе воспитанники, предназначавшіеся къ увольненію изъ заведеній по причинѣ болѣзненныхъ припадковъ, оказывались неспособными къ военной службѣ „отъ трепетанія сердца и аневризма“; признавая же, что „подобныя болѣзни нерѣдко рождаются и укореняются отъ несоотвѣтствующихъ силамъ молодыхъ людей частыхъ и продолжительныхъ фронтовыхъ ученій“, Его Высочество предписалъ директорамъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній „сколь возможно болѣе соразмѣрять фронтовыя занятія воспитанниковъ съ физическими ихъ силами“.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно сложнымъ требо-

ваніямъ тогдашняго воинскаго устава, на строевое образованіе будущихъ войсковыхъ офицеровъ постоянно обращалось усиленное вниманіе. Сверхъ обычныхъ смотровъ предъ ежегоднымъ майскимъ парадомъ и выступленіемъ въ лагерь, самъ Главный Начальникъ нерѣдко производилъ ученья петербургскимъ кадетамъ въ составѣ батальоновъ по заведеніямъ, сборныхъ полковъ и цѣлаго отряда, которымъ послѣдовательно командовали генералы Шлиппенбахъ и Сутгофъ. Предъ царскимъ смотромъ въ лагерѣ онъ снова повѣрялъ во всѣхъ подробностяхъ строевую подготовку кадетъ, лично производя имъ частныя, общія линейныя и такъ-называвшіяся восьмирядныя ученья, при которыхъ выпускные кадеты занимали мѣста взводныхъ командировъ; нѣсколько же разъ въ теченіе лѣта онъ вызывалъ лагерный отрядъ по ночной тревогѣ, для болѣе или менѣе продолжительныхъ тактическихъ упражненій. Особенно строгимъ испытаніямъ въ верховой ѣздѣ и кавалерійской подготовкѣ подвергались тѣ изъ бывшихъ кадетъ, кои, предназначаясь на службу въ кавалерію и конную артиллерію, прикомандировывались къ соотвѣтственнымъ образцовымъ войскамъ и производились въ офицеры не иначе, какъ по непосредственному удостоенію великаго князя.

Во все время своего управленія Его Высоче-

ство, не ограничиваясь тѣмъ, что часто видѣлъ кадетъ въ стѣнахъ заведеній и въ лагеряхъ, на ученьяхъ, смотрахъ, разводахъ и парадахъ, постоянно удостоивалъ воспитанниковъ петербургскихъ военно-учебныхъ заведеній личнымъ пріемомъ у себя во дворцѣ: съ поздравленіемъ въ годовые праздники и въ день своихъ именинъ, при назначеніи въ должности унтеръ-офицера и фельдфебеля и по случаю производства въ офицеры.

Всѣмъ выпущеннымъ изъ этихъ заведеній болѣе полувѣка тому назадъ хорошо памятны, конечно, тогдашнія представленія молодыхъ офицеровъ великому князю въ залахъ Михайловскаго дворца или на садовой его террасѣ, а также на дворцовой площадкѣ въ Павловскѣ; каждый изъ нихъ до сихъ поръ живо вспоминаетъ величественную и, по внѣшности, столь грозную фигуру Его Высочества, строгую требовательность его при осмотрѣ обмундированія вновь произведенныхъ офицеровъ, привѣтливыя слова благодарности за прошлые годы ихъ ученія и простыя, сердечныя наставленія имъ на предстоящую службу.

Общій смыслъ и характеръ такихъ напутственныхъ наставленій юнымъ офицерамъ всего лучше выясняются изъ найденнаго послѣ кончины Михаила Павловича, въ его бумагахъ, собственноручно имъ написаннаго „Прощанія съ моими дѣтьми

военно-учебныхъ заведеній“. „Отпуская васъ на службу,—читаемъ въ этомъ документѣ,—я обращаюсь къ вамъ не какъ начальникъ, а какъ отецъ, васъ душевно любящій, который слѣдилъ за вами съ юныхъ лѣтъ и радовался вашимъ успѣхамъ. Теперь вы выходите на поприще жизни военной,—прощаюсь съ вами; внемлите моему совѣту. Не забывайте никогда Бога и родителей вашихъ, которымъ вы одолжены вашимъ существованіемъ; помните всегда, что вашимъ нравственнымъ существованіемъ вы одолжены государю... Не забывайте, что въ Россіи священныя имена государя и отечества нераздѣльны.... Военная служба, сія благороднѣйшая служба, сколь представляетъ она вамъ въ будущемъ славы!... Помните всегда, что настоящая честь военнаго человѣка состоитъ въ благородномъ поведеніи, а потому избѣгайте всякаго соблазна и не забывайте словъ самого Спасителя: „Не введи насъ во искушеніе“. Примите, дѣти, сіи наставленія друга и будьте увѣрены, что вблизи и издалека онъ будетъ слѣдить за вами; во всѣхъ же вашихъ нуждахъ и трудныхъ обстоятельствахъ обращайтесь всегда къ нему, какъ къ вѣрному пристанищу. Прощайте, да благословитъ васъ Господь Богъ!“

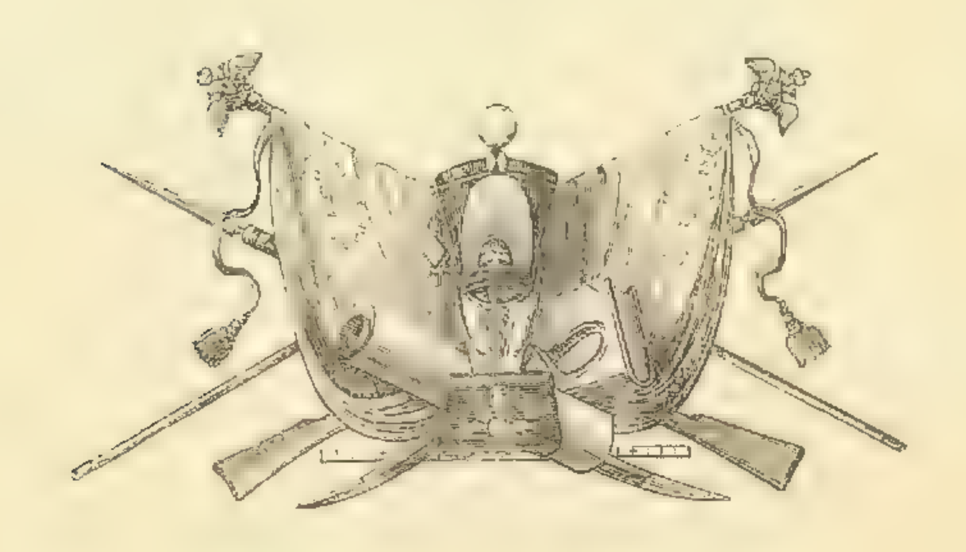
Со времени кончины Михаила Павловича въ русской арміи преемственно сохраняется доброе

воспоминаніе о дѣятельности его на пользу нашего военнаго воспитанія; но еще болѣе прочная память о личномъ характерѣ покойнаго живетъ въ благодарномъ чувствѣ каждаго изъ тѣхъ, кого непосредственно поучало и согрѣвало его сердце, исполненное христіанской любви и вѣрноподданническаго долга.

Въ длинномъ рядѣ рескриптовъ, начиная съ 1833 года, августѣйшій Главный Начальникъ удостоивался изъявленія монаршей признательности за труды его на благо военно-учебныхъ заведеній. Въ послѣдній же годъ жизни Михаила Павловича императору Николаю I благоугодно было высказать, что „заведенія эти, совершенствуясь съ каждымъ годомъ, успѣли достичь во всѣхъ отношеніяхъ цѣли своего учрежденія и что до столь отличнаго состоянія доведены они неустанною заботливостью Его Высочества“. Незадолго предъ тѣмъ данный на имя великаго князя рескриптъ, отъ 13-го сентября 1846-го года, незабвенный государь заключилъ такими словами: „Мнѣ въ особенности пріятно видѣть, что главная цѣль военнаго воспитанія обращена къ развитію въ юношахъ чистыхъ правилъ нравственности, высокаго чувства чести и непоколебимой любви къ престолу и отечеству“. Въ упомянутомъ же выше (стр. 65) „Наставленіи для образованія воспитан-

никовъ военно-учебныхъ заведеній“ цѣль эта формулирована въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Христіанинъ, вѣрноподданный, русскій, добрый сынъ, надежный товарищъ, скромный и образованный юноша, исполнительный, терпѣливый и расторопный офицеръ,—вотъ качества, съ которыми воспитанникъ этихъ заведеній долженъ переходить со школьной скамьи въ ряды арміи, съ чистымъ желаніемъ отплатить государю за его благодѣянія честною службой, честною жизнью и честною смертью“.

Такое направленіе учебно-воспитательной дѣятельности нашихъ офицерскихъ разсадниковъ неизмѣнно сохраняется въ нихъ и до настоящаго времени; духъ же, господствующій въ корпусѣ офицеровъ данной страны, есть духъ ея войска.

III.

Послѣдніе годы жизни великаго князя Михаила Павловича были омрачены тяжелыми утратами въ его семьѣ. Въ 1845-мъ году онъ имѣлъ несчастіе потерять дочь Елизавету, незадолго предъ тѣмъ вступившую въ бракъ съ герцогомъ Адольфомъ Нассаускимъ. Осенью слѣдующаго года великокняжеская семья, по случаю болѣзни Елены Павловны, находилась въ Вѣнѣ, гдѣ внезапно была поражена смертельнымъ недугомъ старшая дочь Ихъ Высочествъ, великая княжна Марія Михаиловна: не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ она скончалась на рукахъ больной матери и убитаго горемъ отца.

По возвращеніи въ Россію Михаилъ Павловичъ, тяготясь столичною жизнью въ первое время послѣ своей утраты, уѣхалъ въ Новгородскій кадетскій корпусъ, расположенный въ глухой мѣст-

пости 4-го округа бывшихъ военныхъ поселенiй; здѣсь провелъ онъ нѣсколько дней въ полномъ уединенiи, выходя изъ своихъ комнатъ лишь на заупокойныя службы въ церкви, и рѣшился оставить корпусъ только по высочайшему вызову. „Свиданiе съ братомъ Михаиломъ,—писалъ государь Паскевичу 9 декабря 1846 года,—было самое тягостное, и безъ жалости ни видѣть, ни слышать его нельзя". Глубокое душевное потрясенiе не замедлило отразиться болѣзненными припадками, которые впослѣдствiи все усиливались.

Въ апрѣлѣ 1849 года въ Москвѣ, во время пребыванiя тамъ императорской фамилiи по случаю освященiя вновь отстроеннаго Николаевскаго кремлевскаго дворца, у Михаила Павловича открылось сильное кровотеченiе, сопровождавшеся глубокимъ нервнымъ разстройствомъ и общимъ упадкомъ силъ. Послѣ нѣкотораго улучшенiя онъ возвратился въ Петербургъ и началъ пользоваться искусственными минеральными водами; но такъ какъ въ это время гвардiя и гренадерскiй корпусъ уже перешли въ сѣверозападныя губернiи и въ царство Польское, то августѣйшiй ихъ главнокомандующiй, не взирая на свой серьезный недугъ, поспѣшилъ отправиться въ Варшаву, гдѣ и приступилъ къ осмотру собранныхъ войскъ.

12 августа, на смотру 7-й легкой кавалерiй-

ской дивизіи, входившей въ составъ гренадерскаго корпуса, при объѣздѣ полковъ на Мокотовскомъ полѣ великій князь почувствовалъ себя дурно и, успѣвъ только сказать корпусному командиру Муравьеву: „У меня нѣмѣетъ рука“, потерялъ сознаніе и былъ снятъ съ лошади окружавшими.

Послѣ перевезенія въ Бельведерскій дворецъ и врачебной помощи больной пришелъ въ память, но уже не могъ говорить и двигать правою рукой; въ тотъ же день онъ сподобился пріобщенія Св. Тайнъ. У постели умиравшаго постоянно находился самъ государь и наслѣдникъ цесаревичъ, а 25 августа пріѣхала съ остр. Рюгена великая княгиня Елена Павловна съ дочерью Екатериной. Мучительная агонія продолжалась еще трое сутокъ и 28 августа, въ 3-мъ часу дня, Михаилъ Павловичъ перешелъ въ жизнь вѣчную.

Въ тотъ же день послѣдовалъ манифестъ, возвѣстившій Россіи о безвременной кончинѣ великаго князя. „Богу угодно было,—писалъ императоръ,—нашу общую радость при счастливыхъ, покрывшихъ новою славою войска наши, событіяхъ, омрачить внезапною, горестною для насъ, всего дома нашего и Россіи, потерею. Оплакивая въ почившемъ великомъ князѣ брата и друга, коего вся жизнь, всѣ труды и попеченія были безпрерывно посвящаемы на службу намъ и отечеству, мы призы-

васмъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ къ усерднымъ вмѣстѣ съ нами мольбамъ объ упокоеніи души его въ селеніяхъ, благостью Всевышняго предуготованныхъ тѣмъ, кои по чистотѣ сердца, дѣлъ и намѣреній достойны великаго имени христіанъ."

Вскорѣ послѣ кончины великаго князя одинъ изъ достойнѣйшихъ его адъютантовъ (Ѳ. И. Горемыкинъ), выражая въ частномъ письмѣ изъ Варшавы свою непритворную скорбь, писалъ между прочимъ: „Стоя около его гроба, мы не можемъ унять сердечной тоски, все болѣе и болѣе раскрывающей великость потери. Мелкіе оттѣнки характера и дѣйствій нашего начальника, иногда сердитаго и грознаго, исчезаютъ вмѣстѣ съ жизнью, не оставляя ни малѣйшаго горькаго впечатлѣнія; напротивъ, въ душѣ остается воспоминаніе благороднѣйшаго, нѣжнѣйшаго отца, друга правды и человѣчества, поборника закона и порядка, ревнителя службы и долга, которому онъ неизмѣнно остался вѣренъ до конца жизни, принесенной въ жертву своимъ обязанностямъ."

По перевезеніи въ Петербургъ тѣла почившаго, оно погребено 18-го сентября въ Петропавловскомъ соборѣ, у западныхъ вратъ съ лѣвой стороны отъ входа. Даннымъ же на другой день высочайшимъ приказомъ повелѣно, „въ изъявленіе признательности къ незабвеннымъ заслугамъ, по

устройству артиллеріи и всѣхъ подлежащихъ ей учрежденій, покойнаго генералъ-фельдцейхмейстера, артиллерійскому училищу именоваться Михайловскимъ, а 1-й батареѣ л. гв. 1-й артиллерійской бригады сохранить навсегда названіе батареи Его Высочества"; вмѣстѣ съ тѣмъ за гренадерскою ротой 2-го кадетскаго корпуса сохранена честь именоваться и впредь ротою ея царственнаго шефа, „въ воздаяніе вѣчной благодарности за ревностныя его заботы объ устройствѣ военно-учебныхъ заведеній". Вновь назначенный тогда главнымъ начальникомъ этихъ заведеній наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, объявляя по вѣдомству о вступленіи своемъ въ должность, почтилъ память покойнаго такими словами приказа „Вмѣняю себѣ въ честь начальствовать заведеніями, процвѣтшими подъ отеческимъ попеченіемъ моего незабвеннаго предмѣстника, моего руководителя и друга." Самъ же императоръ Николай Павловичъ, высоко цѣня беззавѣтную преданность своего младшаго брата, еще при жизни его писалъ въ собственноручномъ духовномъ завѣщаніи отъ 4-го мая 1844 года: „Государю и всему семейству моему завѣщаю любить и уважать брата моего и вѣрнаго друга Михаила Павловича: онъ имъ живой примѣръ какъ имъ брату служить должно. При семъ случаѣ душевно благодарю Михаила

Павловича за его братскую любовь и всегдашнія услуги; прошу его не оставлять добрыми совѣтами моихъ дѣтей, которыхъ поручаю его благорасположенію". Наконецъ, высочайшій приказъ, состоявшійся послѣ погребенія Михаила Павловича, заключенъ такимъ признательнымъ пожеланіемъ: „Да будетъ память его жива въ сердцѣ каждаго изъ его подчиненныхъ и руководствомъ всѣмъ какъ служить Богу и государю вѣрою и правдой".

Почти полвѣка прошло со времени кончины Михаила Павловича и въ литературѣ нашей сохранились лишь отрывочные разсказы современниковъ о личномъ его характерѣ. Но тѣ изъ нихъ, кои заслуживаютъ наибольшаго довѣрія, согласно свидѣтельствуютъ, что покойный былъ щедро одаренъ рѣдкими свойствами души, способными возбуждать глубокую привязанность и оставлять послѣ себя самыя теплыя воспоминанія.

Такъ, еще недавно появились въ печати записки Б—ва, служившаго въ гвардіи подъ начальствомъ Михаила Павловича, въ которыхъ, между прочимъ, высказаны такія мысли: „Всѣ близко знавшіе Его Высочество были горячо ему преданы, такъ какъ подъ суровою и строгою его оболочкой скрывалось сердце самое возвышенное, самое чест-

ное, самое доброе. А сколько благодѣяній дѣлалъ великій князь! Внезапная смерть его въ Варшавѣ была для меня ударомъ равносильнымъ съ потерей любимаго отца".

Въ напечатанныхъ четыре года тому назадъ запискахъ кн. Н. К. Имеретинскаго, который состоялъ камеръ-пажемъ при Михаилѣ Павловичѣ, а потомъ также служилъ подъ его начальствомъ въ гвардіи, находимъ такой отзывъ: „Великій князь неусыпно, энергично и неослабно поддерживалъ дисциплину въ войскахъ, безпощадно каралъ малѣйшее ея нарушеніе, неуклонно выполняя общепринятую крутую программу военнаго обученія. Но суровость его лица и взгляда, рѣзкая манера выговаривать и распекать и неумѣренная строгость взысканій, даже за сравнительно маловажные проступки,—все это было вынуждено, ненормально и свойственно только *видимому*, но *не истинному* характеру Михаила Павловича. По природѣ онъ былъ добрѣйшимъ человѣкомъ, имѣлъ мягкое сострадательное сердце, дѣлалъ много добра, не превозносясь благодѣяніями, и только послѣ кончины выказались безчисленные примѣры его помощи бѣднымъ".

Въ одномъ изъ полученныхъ нами на дняхъ писемъ досточтимый сенаторъ К. К. К—ръ вспоминаетъ, какъ болѣе шестидесяти лѣтъ тому назадъ,

предназначенный при выпускѣ изъ Финляндскаго корпуса въ гвардейскую конную артиллерію, онъ, послѣ срочнаго прикомандированія къ образцовой конной батареѣ, былъ удостоенъ къ производству въ офицеры, но за неимѣніемъ вакансій въ гвардейской конно-артиллерійской бригадѣ не могъ воспользоваться вполнѣ заслуженнымъ имъ правомъ. Узнавъ объ этомъ отъ полк. Ростовцова, великій князь предоставилъ К—ру избрать любой изъ гвардейскихъ полковъ. Начавъ службу въ Преображенскомъ полку, К. К. съ честью служилъ потомъ въ Генеральномъ штабѣ и, находясь при гренадерскомъ корпусѣ, состоялъ подъ ближайшимъ начальствомъ Михаила Павловича, котораго онъ въ цитируемомъ письмѣ признательно называетъ „своимъ, какъ и многихъ, всегдашнимъ благодѣтелемъ“.

По воспоминаніямъ бывшихъ адъютантовъ Его Высочества (И. Г. Бибикова, Н. М. Толстого, Я. И. Ростовцова, Д. В. Путяты, Р. И. Кнорринга, Ѳ. И. Горемыкина, А. А. Баранцова, А. П. Веймарна) и другихъ близкихъ къ нему лицъ, въ характерѣ покойнаго неизмѣнно проявлялось дѣятельное сочувствіе чужому горю и сердечное влеченіе къ благотворительности, при чемъ добрыя дѣла его, по завѣту евангельскому, всегда совершались втайнѣ; дѣлать же добро для самого добра—

это, конечно, главная и самая рѣдкая изъ человѣческихъ добродѣтелей.

Въ разсказахъ одного изъ вышеназванныхъ лицъ особенно памятенъ нижеслѣдующій фактъ. Гвардейскій офицеръ С., у котораго оказался значительный недочетъ по казенной кассѣ, въ виду предстоявшей на другой день ревизіи рѣшился ѣхать во дворецъ Его Высочества, гдѣ и представилъ всю безвыходность своего положенія дежурному адъютанту Бибикову. Несмотря на поздній часъ ночи, послѣдній поспѣшилъ доложить великому князю о несчастіи офицера, не называя его по фамиліи. Михаилъ Павловичъ, вручая Бибикову просимую сумму, сказалъ: „Отдай ему и не смѣй мнѣ никогда называть его,—иначе я, какъ корпусный командиръ, отдамъ его подъ судъ; скажи, что я помогаю ему какъ частный человѣкъ“.

Еще во время перваго путешествія юнаго Михаила Павловича по Россіи, сопровождавшій его Паскевичъ отмѣтилъ въ своемъ путевомъ журналѣ: „Щедрость великаго князя привлекала къ нему всѣ сердца; онъ все раздавалъ бѣднымъ, а для себя ничего не хотѣлъ тратить“. Позднѣе эта щедрость въ раздачѣ пособій не рѣдко достигала такихъ размѣровъ, что управлявшій Дворомъ великаго князя вынужденъ былъ отказывать ему въ ассигнованіи суммъ на дѣла благотворенія. На-

помнимъ еще, что значительное число инвалидовъ и неимущихъ постоянно призрѣвалось, въ Петербургѣ, Москвѣ, Павловскѣ, Ораніенбаумѣ и другихъ мѣстахъ, на иждивеніи Его Высочества.

Преждевременная кончина великаго князя вызвала самыя искреннія сожалѣнія не только въ средѣ его приближенныхъ и облагодѣтельствованныхъ имъ, но и въ рядахъ войскъ, въ военноучебныхъ заведеніяхъ, къ которымъ,—какъ выразилась августѣйшая его вдова,—„самъ онъ былъ привязанъ душою", и наконецъ во всемъ русскомъ обществѣ. Вскорѣ послѣ этой кончины Московскій митрополитъ Филаретъ, молитвенно вспоминая почившаго, справедливо высказалъ въ своей рѣчи, что „благодарную память о немъ хранятъ и хранить будутъ всѣ приближавшіеся къ нему и всѣ, до которыхъ и вдали достигала его доброта". Умершій же въ 1854 году извѣстный лейбъ-медикъ баронетъ Виллie, который близко зналъ и высоко цѣнилъ человѣколюбивое сердце Михаила Павловича, достойно почтилъ его память назначеніемъ по своему завѣщанію свыше милліона рублей на устройство госпиталя во имя Св. Архистратига Михаила; въ настоящее время госпиталь этотъ, образцово устроенный на 120 безплатныхъ и 30 платныхъ кроватей, именуется „Михайловскою клиническою больницей бар. Виллie" и, согласно

съ волей завѣщателя, „навсегда сохраняетъ значеніе благотворительнаго лѣчебнаго заведенія".

По свидѣтельству многихъ современниковъ, лично знавшихъ Михаила Павловича, онъ обладалъ умомъ наблюдательнымъ, находчивымъ и острымъ, дѣлавшимъ бесѣду его всегда живою, часто увлекательною; вмѣстѣ съ тѣмъ у него было слишкомъ доброе сердце, чтобы насмѣшливою шуткой кого-либо намѣренно оскорбить. Въ 1833 г., на смотру верховой ѣзды въ манежѣ Гвардейской юнкерской школы, великій князь, сдѣлавъ ироническое замѣчаніе о посадкѣ одного изъ юнкеровъ (С—на), самъ поспѣшилъ тутъ же сказать командиру школы (Шлиппенбаху): „Не обидѣлъ ли я этого толстяка? Распечь за дѣло или для острастки по службѣ—это я понимаю; но оскорблять ради краснаго словца—это не въ моей натурѣ".

Сохранилось не мало разсказовъ и о томъ, какъ царственный начальникъ русской гвардіи, артиллеріи и корпуса инженеровъ, ревниво охраняя корпоративную ихъ честь, строго слѣдилъ, чтобы въ повременной печати отнюдь не допускались рѣзкіе отзывы, хотя-бы косвенныя порицанія и саркастическіе намеки относительно подчиненныхъ ему офицеровъ, а также чтобы эти послѣдніе не издавали въ свѣтъ, безъ дозволенія своего начальства, никакихъ сочиненій, „касающихся,—по выраженію

закона,—до внѣшнихъ или внутреннихъ отношеній россійскаго государства". Въ распоряженіяхъ своихъ относительно поддержанія въ войскахъ должной дисциплины Его Высочество указывалъ на необходимость добраго обращенія начальниковъ съ подчиненными, признавая, что „для водворенія прочнаго служебнаго порядка единственно позволительный способъ есть справедливое съ солдатомъ обхожденіе и за малыя ошибки—легкое, а за большіе только проступки—строгое взысканіе". Самъ же великій князь, будучи весьма требовательнымъ относительно выполненія его подчиненными воинскаго долга вообще, всегда служилъ образцомъ неуклонной исполнительности, начиная съ точнаго соблюденія установленной формы одежды въ мельчайшихъ подробностяхъ. Но, сурово взыскательный, особенно съ офицеровъ, за нарушенія формы, онъ часто смягчалъ и даже отмѣнялъ наложенную кару, лишь только выяснялись какія-либо уменьшавшія вину обстоятельства. Такъ, въ 1845 году, находившійся въ отпуску, въ Петербургѣ, л. гв. уланскаго Его Высочества полка поручикъ П—въ, встревоженный внезапностью тяжкаго заболѣванія своей матери, бросился отыскивать врача и, выходя изъ дому, забылъ надѣть саблю. Въ такомъ видѣ встрѣченный на улицѣ великимъ княземъ-главнокомандующимъ,

П—въ получилъ отъ него строгій выговоръ и прямо былъ отправленъ на гауптвахту, съ приказаніемъ немедленно по отбытіи назначеннаго ареста возвратиться въ Новгородъ, къ мѣсту служенія. На другой же день, по докладу пользовавшаго больную мать П—ва, старшаго врача гвардейскаго корпуса (Шеринга), о дѣйствительной причинѣ появленія этого офицера на улицѣ безъ оружія, Его Высочество поспѣшилъ освободить П—ва отъ ареста и еще продолжилъ срокъ даннаго ему отпуска до выздоровленія матери. Въ слѣдующемъ году августѣйшій генералъ-фельдцейхмейстеръ, замѣтивъ у одного изъ представлявшихся ему пріѣзжихъ артиллерійскихъ офицеровъ не по формѣ длинные волосы, самъ назначилъ ему трехдневный арестъ на гауптвахтѣ; но когда узналъ отъ начальника штаба, что офицеръ этотъ уволенъ въ Петербургъ всего на семь дней, для свиданія съ престарѣлымъ отцомъ, тотчасъ же приказалъ ограничить взысканіе домашнимъ арестомъ на сутки. Въ сентябрѣ 1818 г. великій князь приказалъ перевести двухъ обучавшихся въ Артиллерійскомъ училищѣ офицеровъ, за несоблюденіе формы и неряшество, въ гарнизонную артиллерію: но не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ оба они были возвращены въ полевую артиллерію и за тѣмъ снова поступили въ офицерскіе классы. Многіе изъ гвардейскихъ офицеровъ того

времени припомнять, конечно, не одинъ подобный случай, въ которомъ разгнѣванный ихъ начальникъ, при достаточномъ поводѣ къ снисхожденію, спѣшилъ „смѣнить свой гнѣвъ на милость“.

Въ упомянутыхъ выше запискахъ кн. Имеретинскаго, онъ приводитъ „правдивый разсказъ“ старшаго товарища своего по Преображенскому полку, К. Ѳ. Коссаковскаго, который пользовался особо-милостивымъ вниманіемъ и довѣріемъ Михаила Павловича, какъ и всеобщимъ уваженіемъ въ кругу сослуживцевъ. Однажды лѣтомъ Коссаковскій, пріѣхавъ изъ лагеря въ Петербургъ, встрѣтилъ у Михайловскаго дворца августѣйшаго командира гвардіи, который привѣтствовалъ отдавшаго ему честь офицера словами: „Bonjour, mon cher; je suis content de vous voir. Que fait-on chez vous (т.-е. въ лагерѣ)? Коссаковскій отвѣчалъ, что дѣло идетъ своимъ порядкомъ, и началъ-было входить въ подробности учебныхъ занятій и смотровъ; но великій князь шутливо перебилъ его разсказъ: „Halte! Je ne veux pas vous faire subir un examen, mais je déclare, que dans ce moment vous avez peur parce que je vous ai accosté dans la rue... Je suis donc l'épouventail, la bête noire de tous ces messieurs de la garde. On veut faire de moi un homme sans coeur et sans entrailles, qui ne demande pas mieux, je dirai plus,—qui aime à se

procurer le plaisir de faire des malheureux! Je ne vous en dit pas davantage car vous le savez parfaitement vous même, et vous aurez tort de ne pas me le dire dans le blanc des yeux". Затѣмъ, выслушавъ искренния возраженія Коссаковскаго, царственный собесѣдникъ крѣпко пожалъ его руку и сказалъ съ чувствомъ: „Merci, mon cher; vous avez parlé en homme de coeur et en homme d'esprit, vous m'avez fait du bien en me disant tout cela. On a tort de me craindre; je suis un de ceux dont vous parlez: je fais mon devoir, je ne redoute rien, mais je ne veux du mal à personne".

Въ заключеніе нельзя не указать также на строгую правдивость и мужественную прямоту характера покойнаго Михаила Павловича. За семь лѣтъ до своей кончины, готовясь къ одному изъ засѣданій Государственнаго совѣта (30 марта 1842 года), назначенному для обсужденія проекта закона объ обязанныхъ крестьянахъ, самъ онъ высказался въ предварительной бесѣдѣ съ государственнымъ секретаремъ, бар. Корфомъ, въ такихъ выраженіяхъ: „Il n'est pas dans mes principes de garder mon opinion pour moi et je l'énonce toujours franche et nette ne fût ce que pour l'acquit de ma conscience, sans m'inquiéter de ce qui en adviendra".

При изложеніи основныхъ требованій правиль-

наго воспитанія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ царственный ихъ организаторъ прямо указывалъ, въ числѣ „*главнѣйшихъ* нравственныхъ качествъ человѣка, на чувство долга, готовность помогать ближнему, дѣятельность, честность, правдолюбіе и скромность“. Изъ всего же содержанія этого очерка видно, что такія именно качества были отличительными чертами характера самого Михаила Павловича: остается лишь привести еще нѣкоторые отзывы и факты, свидѣтельствующіе о его справедливости и личной скромности. „Справедливость великаго князя,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ старыхъ артиллеристовъ (А. С. П.),—была столь же велика, какъ и его скромность: откровенно выставляя свои недостатки, онъ не любилъ выказывать свои достоинства. Онъ не терпѣлъ ни протекціи, ни лести, и добрые результаты въ дѣлѣ его управленія всегда приписывалъ не себѣ, а своимъ сотрудникамъ; но за то много горькаго и непріятнаго бралъ онъ на свою долю, и въ этомъ уже не дѣлился съ другими“.

При одномъ изъ частыхъ посѣщеній Артиллерійскаго училища, въ 1833 году, Его Высочество, замѣтивъ вновь вывѣшенный въ рекреаціонной залѣ свой портретъ съ надписью: „Основатель и благодѣтель училища“, приказалъ сейчасъ же

убрать его и гнѣвно прибавилъ: „На будущее время не смѣть вбивать здѣсь ни одного лишняго гвоздя безъ моего дозволенія“.

Въ 1837 году выпускные кадеты Павловскаго корпуса просили о дозволеніи имъ заказать на свой счетъ, ко дню сороковой годовщины рожденія великаго князя, икону Св. Архистратига Михаила, для постановки въ старшей ротѣ корпуса; на докладѣ объ этомъ Его Высочество написалъ: „Принимаю съ искреннѣйшею признательностью, какъ знакъ любви ко мнѣ моихъ дѣтей. Все мое достоинство заключается лишь въ одномъ, что я люблю ихъ какъ родныхъ“.

Въ 1845 году, къ двадцатипятилѣтнему юбилею Артиллерійскаго училища, бывшими его воспитанниками собрано было до 7/т. рублей на предметъ изготовленія бронзоваго бюста Михаила Павловича для училищной конференцъ-залы. Великій князь отклонилъ это предложеніе и, желая, чтобы собранная сумма была обращена на дѣло полезное, испросилъ соизволеніе государя на учрежденіе преміи за лучшія сочиненія или изобрѣтенія бывшихъ питомцевъ названнаго училища, которая впослѣдствіи наименована „Михайловскою“. Въ самый день юбилея Его Высочество, избѣгая обращенныхъ лично къ нему офиціальныхъ чествованій, воздержался отъ посѣщенія училища и

только черезъ три дня пріѣхалъ туда, чтобы „выразить душевную благодарность своимъ бывшимъ воспитанникамъ". „Я счастливъ, — обратился онъ къ нимъ, — находясь среди васъ и вполнѣ цѣню ваши чувства; служба ваша доставляетъ мнѣ истинное удовольствіе и оправдываетъ мои надежды: Артиллерійское училище — лучшее украшеніе нашей артиллеріи".

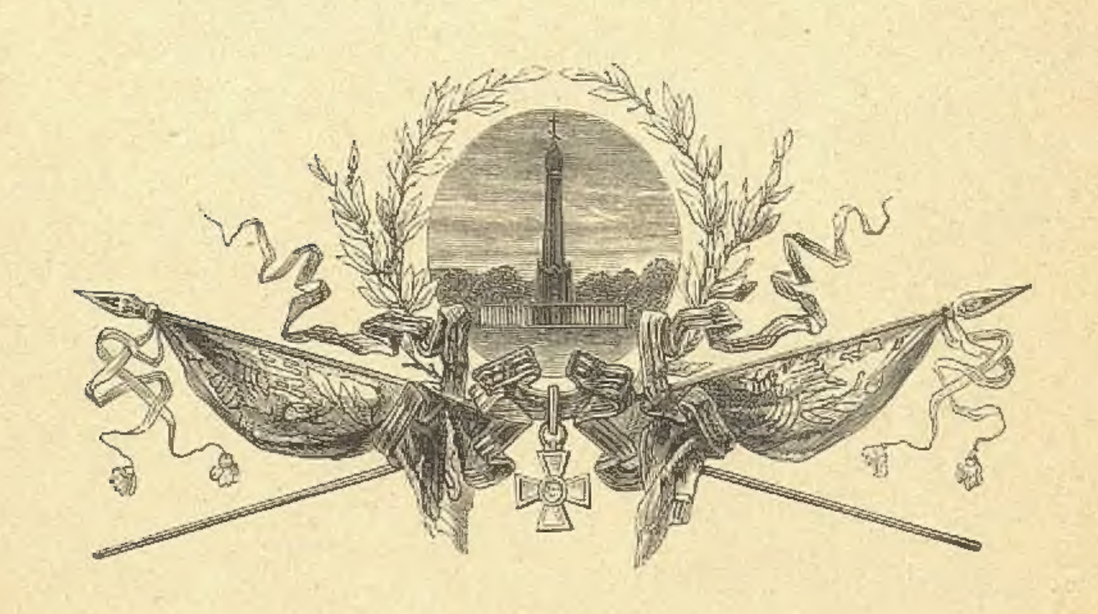
Черезъ два года, когда, какъ уже было сказано, праздновалось пятидесятилѣтіе Михаила Павловича, всѣ находившіеся въ столицѣ артиллеристы собрались 29-го января на благодарственное молебствіе въ Артиллерійскомъ училищѣ. Самъ юбиляръ, прибывшій на это собраніе съ наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ и вновь назначеннымъ шефомъ л. гв. 2-й артиллерійской бригады. великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, въ теплыхъ выраженіяхъ благодарилъ „любезныхъ ему сослуживцевъ за ихъ привѣтъ, тронувшій его до глубины сердца"; тутъ же онъ представилъ артиллеристамъ своего младшаго племянника, какъ будущаго генералъ-фельдцейхмейстера, и со слезами высказалъ увѣренность, что „выражаемыя ими чувства преданности и любви они перенесутъ на дорогого ему крестника и будущаго преемника". По словамъ очевидца, почтеннаго историка и впослѣдствіи началь-

ника Артиллерійскаго училища, „великій князь какъ-бы предчувствовалъ, что уже не долго ему остается пожинать посѣянное имъ добро, и слова его были проникнуты этимъ грустнымъ предчувствіемъ, которому суждено было исполниться въ слѣдующемъ же году“.

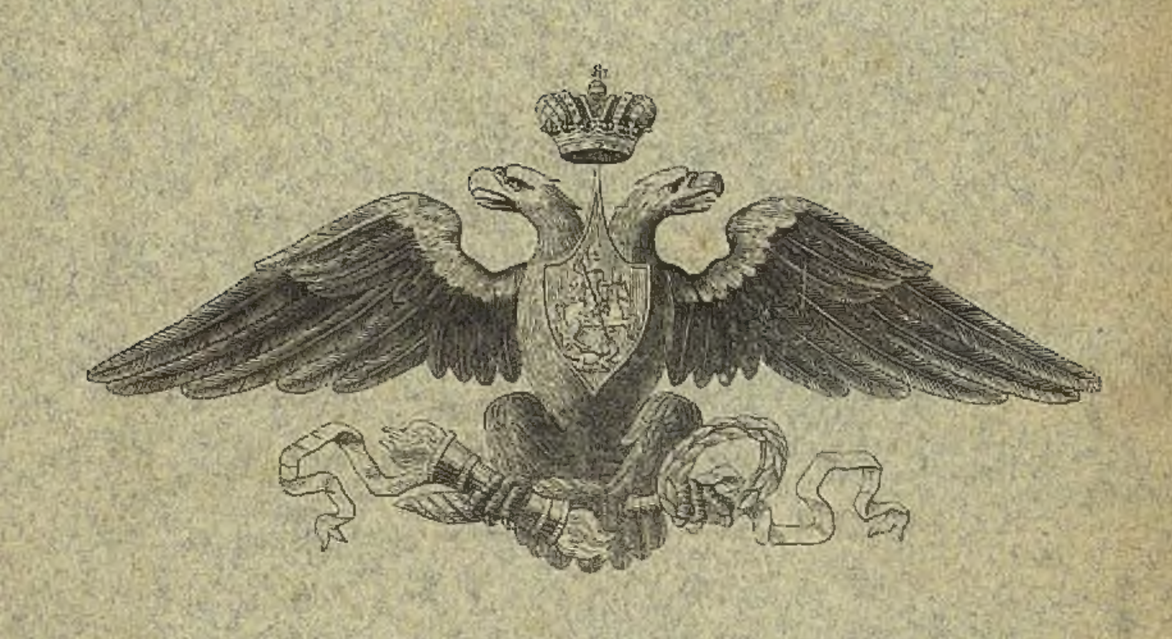
Всѣ послѣдующія поколѣнія русскихъ артиллеристовъ, сохраняя старыя преданія своего родного оружія и благоговѣйно чтя память перваго царственнаго генералъ-фельдцейхмейстера, съ отраднымъ чувствомъ и спокойною совѣстью должны сознавать, что предсмертная его увѣренность повсемѣстно и неизмѣнно оправдывается, по милости Господней, вотъ уже почти полвѣка...

Въ духовномъ завѣщаніи Михаила Павловича, собственноручно написанномъ за шесть лѣтъ до кончины, онъ благодарилъ „всѣхъ своихъ сослуживцевъ за ихъ усердіе къ службѣ и за ихъ къ нему довѣренность, а бывшихъ адъютантовъ—за добросовѣстность и привязанность лично къ нему“. „Если же,—прибавилъ онъ,—я кого-либо обидѣлъ изъ моихъ подчиненныхъ или по другимъ моимъ соотношеніямъ, то отъ всей души искренно прошу ихъ простить меня и вѣрить, что я никогда не хотѣлъ огорчить ихъ съ умысломъ“.

Наконецъ, послѣднее обращеніе свое къ состоявшимъ въ его управленіи вѣдомствамъ, въ Бозѣ почивающій начальникъ заключилъ такими трогательными словами: „Артиллерія, гвардія, инженерный корпусъ и военно-учебныя заведенія, которыми я, по высочайшему довѣрію, имѣлъ счастіе столько лѣтъ начальствовать, пребудутъ для меня дороги до самой смерти моей и я сойду въ гробъ съ полною къ нимъ признательностью и любовью“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія у комисіонеровъ военно-учебныхъ заведеній, Н. Фену и К°. С.-Петербургъ, Невскій пр., 40.

